

Сергей Сериков

Эхо забытых рун

Сергей Сериков

Эхо забытых руин

<https://litres.ru/74389404>

SelfPub; 2026

Аннотация

Орис Менлор — маг без диплома, с пустым кошельком и единственным козырем: брат-кузнец, который верит в него. Летний поход к морю должен был принести сто золотых и новую жизнь. Вместо этого герои находят в дамерской гробнице книгу Некроманта. С этого момента мир переворачивается. Чтобы выжить, Орису придется освоить то, за что жгут на кострах. Или позволить тьме поглотить всех, кто ему дорог. Выбирать придется быстро. И дорого.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	39
Глава 3	73
Глава 4	97
Глава 5	118
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Сергей Сериков

Эхо забытых руин

Глава 1

Просёлочная дорога виляла между убранными полями, змеясь у самого края дремучего леса, что, как и всё здесь, — до последнего желудя и до последнего зайца, — принадлежало барону Лоренсу. Крестьяне провожали повозку долгими взглядами: столь рано, ещё до того, как малое оранжевое солнце поднялось над огромным жёлтым, кузнец Рен Менлор выезжал из ворот Саронта в первый и последний раз.

Я лежал на дне фургона, под рогожей, и мне было плохо. Голова гудела, как котёл в отцовской кузнице, а в животе ворочалось что-то кислое и злое — вчерашнее пиво, смешанное с настойкой гномов. Я помнил этот вкус: Толстый Пит в своей «Пьяной лошади» плескал в кружку нечто, от чего у трезвого человека отваливались уши. Я же ушей не лишился — но и трезвым не был.

Хорошо, что я не на козлах. Я бы не удержал поводьев. Хорошо, что Рен молчит. Рен всегда молчит, когда молчать удобнее, чем говорить.

Повозка была не простая, а мастерская — настоящий кузнечный цех на четырёх колёсах, рождённый фантазией от-

ца и собранный его собственными руками. Я знал каждый гвоздь в этом фургоне, каждую трещину в полатах, каждый подтёк смолы на бортах. Знал, потому что рос в этой повозке так же, как рос в кузнице: с пяти лет — у наковальни, с семи — у мехов, с десяти — у точила. Отец говорил: «Орис, руки должны помнить железо раньше, чем глаза научатся его видеть». Я не очень тогда понимал, что он имеет в виду. Теперь — понимаю. Руки помнят. Память рук длиннее, чем память головы.

По бокам, в специальных гнёздах, вырезанных отцовским ножом из дубовых плах, висели инструменты. Клещи трёх размеров — от малых, с тонкими губами для ювелирки, до огромных, которыми можно было ухватить слиток весом в пуд. Молот-кувалда на длинной ручке из ясеня, окованной у основания медным ободком, чтобы не раскололась. Ручной молот с обмотанной кожей топорищем — кожа потемнела от пота и времени, но всё ещё хранила отпечаток отцовской ладони. Два ручника для грубой работы — обух у одного был сбит, как старый солдатский сапог, но бил он точнее нового. Пара клепальных молотков с узкими бойками. Зубило с выщербленным лезвием. Пробойник с набалдашником, отполированным до зеркального блеска.

В передней части, в войлочном чехле, пропитанном салом, торчали стальные заготовки-прутья — пять штук, ровно столько, сколько нужно на пять одноручных клинков. Заготовки тёмные, маслянистые, чуть тронутые ржавчиной по

концам — но в середине, под патиной, тёплая, живая сталь, из которой ещё можно выковать что-то стоящее.

В глубине фургона, привязанная ремнями к бортам, стояла наковальня — стофунтовая, с зеркальным боем, отполированным за двадцать лет работы отца. Я в детстве думал, что наковальня — это просто большой кусок железа. Потом узнал: нет, это инструмент, как скрипка. У неё есть нос, есть рог, есть лицо, есть пятка. У неё есть характер. Эта наковальня была из тех, что звучат — удар молота по её бойку рождает звон, который слышно за полверсты. Отец говорил, что хорошая наковальня стоит дороже лошади. Эта стояла дороже обеих наших лошадей, вместе взятых.

Рядом с наковальней, в бадье с мелким речным песком, лежали мехи — два кожаных, два войлочных, с длинными ручками, на которых темнели следы от рук мастера. Кожанные были старые, латанные, с заплатками на сгибах, но всё ещё держали воздух. Войлочные — новее, но войлок уже начал крошиться по краям. Мехи — это лёгкие кузницы. Без них нет жара, нет жара — нет стали. Ремни на ручках истёрлись до ниток; я знал, что Рен хочет перевязать их новым сыромятным, но всё откладывал. Теперь, должно быть, так и повезёт.

Под полом, в выдвижном ящике на салазках — отцовская выдумка, я горжусь ею до сих пор, — лежал запас. Древесный уголь в холщовом мешке, тщательно просеянный, без пыли и мелочи: отец всегда говорил, что угольная пыль в

кузнице — то же, что песок в зубах. Брус точильный серого сланца, с бороздой посередине — для правки лезвий. Два точильных круга: один крупнозернистый, для черновой точки, другой — мелкий, почти гладкий, для финиша. Банка кузнечной сажи с салом для закалки — чёрная, густая, пахнущая гарью и жиром; этой смесью отец закаливал дверные петли и клинки тоже. Свёрнутая в трубку медная проволока для заклёпок — медь отливала красноватым, как старая медная монета, и я знал, что отец берег её для особых заказов.

И — на самом дне, в промасленной бумаге, перевязанной бечевой, — брусок дамасской стали, подаренный когда-то отцом одним южным купцом, который так и не вернулся за заказом. Купец был из тех, что приходят с караванами из-за моря: тёмнокожий, в шёлковом халате, с золотым перстнем на большом пальце левой ноги — я помню это, потому что никогда раньше не видел перстня на ноге. Отец выковал ему по заказу тонкий стилет, но купец не приехал. Может быть, его убили в горах. Может быть, он просто забыл. Отец подождал год, потом два, потом положил стилет в сундук, а брусок дамаска — в ящик под полом. «Когда-нибудь, — говорил он, — кто-то из вас, ребята, сделает из этого нечто особенное». Я не знал тогда, что «кто-то из вас» значит «ты, Орис, потому что Рен — кузнец, а кузнецы не делают исключительных вещей, кузнецы делают правильные». Кузнецы делают то, что покупают. Исключительные вещи делают маги, алхимики и дураки. Я, судя по всему, был всем тремя сразу.

Кузнец правил двумя массивными талорскими меринами — сизыми, как грозовая туча, с гривами, заплетёнными в тугие косы. Талорская порода дорогая, но выносливая: эти двое тянули фургон ровно, неспеша переставляя копыта по каменистой колее. Они знали дорогу лучше меня — мы ездили по ней десять лет, к заказчикам в дальних деревнях. Я помню, как отец правил ими, напевая что-то себе под нос, старую талорскую песню без слов. Рен не пел. Рен вообще не из тех, кто поёт.

Брат был в свои двадцать пять высок, широкоплеч и молчалив — но не той молчаливостью, что бывает у робких. Молчаливость Рена была тяжёлой, как его молот: он вмещал в себя мир и не считал нужным о нём рассказывать. Кожаный фартук, прожжённый на груди — пятно вроде бы от капли горячего металла, но я-то знал, что от искры из камина в ту ночь, когда пришли орки и мы впервые остались одни. Фартук повязан поверх полотняной рубахи, и на поясе — тяжёлый пояс с малым боевым молотом, с которым он не расставался даже во сне. Я однажды спросил его, зачем он спит с молотом. Он ответил: «Чтобы не проснуться без него». Я не стал уточнять.

Рену двадцать пять. Мне — двадцать. Между нами, пять лет и пропасть. Я думал, что пропасть — это разница в возрасте. Теперь я знаю: пропасть — это разница между тем, кто закаляет сталь, и тем, кто калечит собственную жизнь.

Из повозки, из-под рогожи, раздался полусонный, скри-

пучий голос — мой собственный, на удивление похожий на голос старого недоброго деда:

— Рен, сколько я был в отключке? И что ты так разогнал повозку — меня сейчас вывернет, между прочим, прямо на твою наковальню!

Брат даже не обернулся. Я знал, что не обернётся: он не из тех, кто оборачивается, чтобы посмотреть на пьяного. Пьяный — это не событие. Пьяный — это константа.

— Орис, юный пьянчужка, проснулся. Сколько раз я говорил: не пей в таверне у Толстого Пита. Наверняка он снова смешал тебе пиво с настойкой гномов. Сколько раз тебе говорил: пить вредно.

— А вот с этим я готов поспорить, брат.

Из-под рогожи высунулась всклокоченная голова с тёмными кругами под глазами. Я, вероятно, выглядел так, будто меня выкопали. Волосы стояли торчком, на одном ухе — соломинка, на щеке — отпечаток ремня от наковальни.

— И утверждаю, что алкоголь полезен. Миллионы мужчин не могут ошибаться.

Рен безнадёжно махнул рукой — жестом, который я видел тысячу раз. Это был жест человека, который понимает: спорить с ветром бесполезно, но ветер всё равно дует.

— Вот ответ мне — он заплатил всё, как договаривались, или обжулил тебя? Что молчишь? Умудрился всё пропить?

Из-под рогожи слышалась возня, звон монет, потом — тихий, почти священный стон. Я считал. Считал дважды.

Считал трижды. Сумма от этого не менялась, и в этом была её жестокая, непреложная красота.

— О, Великий... У меня только тридцать серебрушек. Не мог же я на двадцать погулять? Это же трёхдневный заработок! Всё, больше не пью, клянусь Богом!

— Да-а-а, — протянул кузнец, подгоняя лошадей. — Не зря тебя с последнего круга обучения отчислили из гильдии магов. Теперь диплома нет, и официально магичить не можешь. Да что магичить — с дворянским титулом шевалье, хоть и безземельным, тоже пролетел. Хочу напомнить: теперь нужно накопить целую сотню золотых монет для получения диплома и сдачи последнего экзамена. И на всё про всё у нас только один год.

Сотня золотых. Год. Я прикинул в уме: если Рен возьмёт по два заказа в неделю, каждый по три серебряных — это двадцать четыре в месяц, двести восемьдесят восемь в год. Если я ещё подрабатываю зачарованиями в тавернах — добавим ещё сотню. Итого — около четырёхсот серебром. Это сорок золотых. Не хватает шестидесяти. А ведь нужно ещё есть, платить за ночлег на постоянных дворах, кормить лошадей, чинить повозку. Сотня золотых — это не сумма. Это приговор.

Рен достал из-под скамьи кожаную флягу, открыл крышку, сделал пару глотков колодезной воды. Я слышал, как булькнула вода в горле, как щёлкнула крышка. Фляга была отцовская, с медным ободком у горлышка и вырезанной на

боку буквой «М» — Менлор.

— Я решил так: пока не определишься, будешь мне помогать в кузнице. Хоть окрепнешь — а то натуральный студент-хлюпик. Ни слова больше. Выпей воды и приходи в себя.

Фляга прилетела мне в руки. Я поймал её, не вылезая из-под рогожи. Вода была холодной, с лёгким привкусом железа — из Саронтского колодца. Я сделал три глотка и почувствовал, как мир вокруг немного перестал раскачиваться.

Рен и я — два родных брата, родом из Саронта, самого крупного поселения в баронстве Лоренса. Я любил этот город. Любил так, как любят то, что потеряли навсегда. Узкие кривые улочки, запах хлеба из пекарни Марена на углу, крик петухов на рассвете, дым из нашей трубы, который я видел за полверсты, возвращаясь из Академии на каникулы. Дым из нашей трубы означал: отец жив, отец работает, дома тепло. Я приезжал — и отец встречал меня у ворот, вытирал руки о фартук, обнимал. «Ну, маг, — говорил он, — показывай, чему тебя там научили». И я показывал. Маленькие фокусы: зажигал свечу щелчком пальцев, гасил пламя дыханием с трех метров. Он кивал, как будто всё это уже видел, как будто для него это не было чудом. А потом брал меня за плечо и вёл в кузницу. «Показывай теперь руками. Магия магией, а руки помнят дольше, чем голова». Он был прав. Он всегда был прав.

Отец и мать погибли пять лет назад, во время набега орков

из Северного леса. Случилось это в марте, когда снег ещё лежал в ложбинках, но уже подтаивал на южных склонах. Орки пришли ночью — маленький отряд, человек двадцать, — не за добычей, а за мездой: кто-то из баронской стражи убил их вожака месяцем ранее. Они выбрали наш дом, потому что наш дом стоял на отшибе, у самой дороги. Отец успел закрыть мать в погребе, успел схватить боевой молот — тот самый, что теперь носит Рен. Он успел даже убить двоих. Но орков было двадцать.

Рену тогда исполнилось двадцать. Он был в кузнице, в городе, работал над заказом — чугунные ворота для баронской конюшни. Он услышал набат слишком поздно. Когда он примчался, дом уже горел, а отец лежал у порога с отрубленной рукой и тремя стрелами в спине. Мать нашли в погребе — живую, но задохнувшуюся от дыма. Она умерла по дороге к лекарю. Рен не говорил об этом никогда. Я говорил об этом тоже никогда. Мы оба знали. Мы оба молчали. Таков был наш уговор — негласный, как все наши уговоры.

Рен, как старший сын, унаследовал крепкий дом с кузницей и повозку-мастерскую. Я унаследовал — что? Магию. Дар, проявившийся в пятнадцать лет, после инициации, когда маг первой категории баронства выдал мне на руки свиток с характеристиками. Сила магии — выше среднего. Запас маны — выше среднего. «Выше среднего» — звучит великолепно, пока ты не узнаёшь, что «среднее» в баронстве Лоренса — это уровень, на котором ты можешь зажечь свечу

с расстояния в три шага и не более. «Выше среднего» — это четыре шага. Я не издеваюсь. Это и есть реальная шкала. На её фоне Архимаги выглядят богами, а боги — Архимагами.

Итак, я получил направление на первый круг обучения в гильдию магов. Отец заплатил пятьсот золотых за пять полных лет обучения — и потратил почти все сбережения. Но он был кузнецом от Бога: заказы текли рекой, качественные изделия и — что редкость в этих краях — удивительные механизмы принесли мастеру известность далеко за пределами баронства. Механизмы — это было его увлечение: он мастерил часы с кукушкой, которые куковали в нужный час; музыкальные шкатулки, наигрывавшие три разные мелодии; дверные замки, которые открывались только от прикосновения хозяйской ладони. Такого не делал никто в радиусе ста вёрст. Отец говорил, что это не магия, а просто «голова и руки, и больше ничего». Но я-то знал: магия. Просто очень тихая. Очень домашняя.

Если бы не проклятые орки, старший сын сейчас помогал бы в кузнице, а младший поступил бы на службу барону на должность мага-стихийника — а это достойное жалование, целых пять золотых в месяц. Пять золотых в месяц — это очень неплохое жалованье в наших краях.

Но я не закончил Академию. Я бы хотел сказать, что это была не моя вина. Я бы хотел сказать, что меня подставили, что лэра Векас оклеветала меня из мести, что ректор не разобрался. Я бы хотел сказать многое. Но правда — простая и

уродливая, как все правды — состояла в том, что я напился накануне выпускного экзамена, потому что утром пришёл гонец из Саронта с известием о гибели родителей.

Экзамен назывался «грибной дождь». Простое заклинание, которое должен уметь каждый стихийник второго ранга: создание тонкого, дозированного дождика над грядкой хейронских грибов в оранжерее преподавателя алхимии, лэры Молли Векас. Тонкий и дозированный — это значит, что струйки воды должны были падать вертикально, без ветра, без града, без молний. Я знал это заклинание. Я умел его. Я делал его сто раз на полигоне. Я делал его даже спьяну — но не настолько спьяну.

В тот день я не спал всего три часа. Я пил за двоих. Я курил что-то, что дал мне Гарн — да, тот самый Гарн, который потом встретится мне в арке с Кортм. Он тогда ещё не был подлецом. Он тогда был просто любопытным студентом с подленькой ухмылочкой. «На, Менлор, покури, отпустит». Отпустило. Отпустило так, что я поднял руки над грядкой и вместо дождика получил ливень с градом. Градины размером с куриное яйцо. Урожай хейронских грибов был уничтожен за четыре минуты. Оранжерея лэры Векас — тоже.

Хейронские грибы — сырьё, нужное для большинства элитных алхимических зелий. Большая редкость не только в нашем королевстве, но и на всём континенте — одном из двух в этом мире. Я знал это. Все знали это. Лэра Векас растила эти грибы семнадцать лет. Семнадцать лет — и четыре

минуты пьяного стихийника. Арифметика провала.

Замять скандал не удалось. Лэра Векас не на шутку обозлилась, хотя и слышала, что студент накануне пил несколько дней, получив весть о гибели родителей, и был явно не в форме. Магиня, ввиду своей врождённой упрямости, отказалась перенести экзамен на пару дней, хотя прекрасно знала, что я — самый перспективный студент на своём курсе. Тонкий и дозированный полив в нужном температурном режиме и именно в тот день мог сделать только преподаватель-стихийник лэр Гредли — или его выпускник Орис. Выбор пал на студента. Почему? Потому что лэра Векас знала: если она попросит лэра Гредли, коллега непременно начнёт уговаривать её посидеть в таверне «Магическая колба» и выпить Салемского красного. А под утро, пьяно икая, он снова примется выяснять, почему она не отвечает на его ухаживания. Лэра Векас уже три года не отвечала на его ухаживания. Она не собиралась отвечать и в четвёртый.

В итоге лэра Векас написала гневный доклад ректору Академии, лэру Саргену, с требованием немедленной компенсации убытков или отчисления студента из школы магов. Ректор — человек осторожный, из тех, что предпочитают не связываться с сильными магинями, — вызвал меня к себе, посмотрел долгим взглядом, в котором читалось что-то похожее на жалость, и сказал: «Менлор, я не могу тебя оставить. Но я могу дать тебе год. За сто золотых». Я кивнул. Я не спорил. Я знал, что бесполезно.

Таких огромных денег сразу достать было невозможно. Меня исключили из школы с правом сдать последний экзамен через год, но уплатив при этом сто золотых — полную сумму обучения за последний круг. Сто золотых. Год. Я повторял это в голове, как молитву. Сто золотых. Год. Я не молился — я считал.

* * *

После возвращения в Саронт братья долго думали, что делать. Думали — это, разумеется, громко сказано. Рен думал. Я молчал и слушал, как он думает. У него был особый способ: он садился у очага, клал на колени боевой молот и водил ладонью по его обуху, как слепой — по шраму на лице. Думал он долго. Иногда — всю ночь. Под утро говорил: «Едем на юг». На этом совещание заканчивалось.

Решение было простое и, как все решения Рена, единственно верное. На юг империи, к океану. Там, в провинции Таир, в небольшом приморском городке Тэмриль, жил родной дядя Йон Олфрин по материнской линии. Как говорила мама, дядюшка Йон, владелец сети алхимических лавок, неоднократно приглашал всю семью погостить у моря. Семью сдерживала лишь заоблачно дорогая стоимость услуги телепорта — два золотых с человека, и это по дружбе, по родственной скидке. Для нас, после отцовских сбережений, два золотых — это были не деньги. Это была зима без еды.

И вот теперь, поставив на продажу дом и кузницу, Рен перестал брать заказы и отрабатывал только старые договора

отца. Пять клинков для гильдии наёмников — последний. Подковы для баронской конюшни — последний. Чугунные заслонки для пекарни Марена — последний. Марен, узнав, что мы уезжаем, плакал. Он плакал и совал мне в руки пирог с ливером. Я взял пирог и пообещал, что мы вернёмся. Марен кивал. Мы оба знали, что я вру.

Я, зная жадность хозяина таверны «Пьяная лошадь» Толстого Пита, решил подзаработать. За полцены, без договора, я зачаровал в течение недели все светильники в питейном заведении — зарядил их магией полностью, настроив цвет пламени на модный в этих краях слегка желтоватый оттенок. Жёлтый — это был последний писк: считалось, что жёлтое пламя придаёт выпивке особый аромат, а лицам посетителей — здоровый румянец. На самом деле жёлтое пламя просто маскировало синяки под глазами завсегдатаев и серость их зубов. Но Пит не знал этого. Пит был доволен.

Я очень рисковал: с гильдией магов лучше не шутить, сразу выписывают огромные штрафы тем, кто магичит без лицензии. Штраф за нелегальное зачарование — пятьдесят золотых. Это ровно половина суммы, которую мне нужно было собрать за год. Если бы меня поймали, я бы уже никогда не сдал экзамен. Никогда. Но — не поймали. Пока.

Всё обошлось, и за день до отъезда я получил всю сумму от Пита — пятьдесят серебряных. Пятьдесят серебряных — это пять золотых. Пять золотых — это двадцатая часть моей мечты. Я должен был положить их в мешочек, завязать, спря-

тать под рубаху и молчать. Я положил. Я завязал. Я спрятал.

Я зашёл в «Пьяную лошадь» попрощаться с друзьями детства — с Гредом, с Микой, с маленькой Линой, дочкой пекаря, которая в десять лет залезла на крышу нашей кузницы и объявила, что выйдет за меня замуж, когда вырастет. Она выросла. Я не женился. Она не вышла. Но всё ещё смотрела на меня так, будто я что-то ей должен. Я, может быть, и должен. Я многим должен. Но это — другая история.

В таверне были друзья. У меня были деньги. У Пита было пиво. Атмосфера сложилась. Через час у меня было сорок пять серебряных. Через два — сорок. Потом я перестал считать, потому что считать стало физически больно. Я проснулся на дне отцовской повозки, под рогожей, с тридцатью серебрушками в кармане и головой, готовой взорваться, как фаербол в руках неумелого первокурсника боевой магии. Я был этим первокурсником. Я был неумелым. И я взорвался.

Ближе к обеду — когда маленькое оранжевое солнце расположилось точно над огромным жёлтым светилom, — я наконец выполз из повозки. На козлы пролез, как нашкодивший кот, — сперва одна нога, потом вторая, потом голова, потом ругательство. Сел рядом с братом. Рен не обернулся. Рен уже давно перестал оборачиваться на мои появления.

— Я проснулся от дикой тряски, — сказал я, потирая левое плечо. — Голова готова взорваться, как фаербол в руках

неумелого первокурсника боевой магии. Плечо затекло и замёрзло — похоже, всю ночь прижимался к твоей наковальне.

— К наковальне прижимаются те, у кого нет другой компании, — ответил Рен, не отрывая взгляда от дороги. — Но я не осуждаю.

— Спасибо. Ты, как всегда, источник утешения.

— А я, как всегда, источник правды. Правда — утешительнее, чем ты думаешь. Просто ты её не слушаешь.

Я не нашёл, что ответить. Я и так знал, что он прав. Я всегда знал, что он прав. Это было самое раздражающее свойство моего старшего брата: он был прав даже тогда, когда ошибался, — потому что даже его ошибки приводили к результатам, которых мои правоты не могли достичь.

Из-под скамьи я вытянул объёмистую магическую сумку — ещё хорошо, не потерял: там лежало много нужных мелочей. Сумка была зачарована отцом одного из моих однокурсников — артефактора, разумеется, — и имела полезное свойство: что бы в неё ни положили, оно не терялось и не мялось. Я могу был пьян, мёртв, обкраден, ограблен, брошен в ров с крокодилами — но сумка всегда возвращалась ко мне. Я не знал, как это работает. Я был просто благодарен.

Я порылся в сумке — мимо флакона с чернилами, мимо запасного пергамента, мимо маленького зеркальца, которое я носил с собой с тех пор, как лэра Векас на втором курсе сказала, что у меня «асимметричное лицо, но это поправимо», — и нашёл флакон из толстого зелёного стекла.

Специально для таких случаев. Внутри плескалась противная фиолетовая настойка — алхимическое средство от похмелья, изобретённое, по преданию, самим Архимагом Саргеном, который, как известно, пил не меньше меня, но при этом жил до ста двадцати лет и умер не от цирроза, а от падения с лошади. Настойка стоила пять серебряных за флакон. Но без неё я бы не доехал даже до ближайшей почтовой станции.

Я сделал глоток, зажал рот рукой, чтобы она не выбралась обратно, — настойка обладает уникальным свойством вызывать немедленное желание её выплюнуть, — и через пять минут был здоров, как до похода в таверну. Ну, почти здоров. Голова перестала гудеть, но тяжесть в затылке осталась. Это — плата. Плата всегда остаётся.

С удовольствием растянувшись на матрасе, который я переложил с пола на скамью, я закрыл глаза. Маленькое оранжевое солнце жарило мне в лицо. Большое жёлтое — пекло в спину. Между двумя светилami, в их двойном свете, я и жил. Таков был наш мир: два солнца, два брата, две правды.

Перед внутренним взором поплыли воспоминания — главные события последних лет. Они всегда приплывали в таком порядке: сначала отец, потом Академия, потом Жан. Отец — это было постоянной. Академия — это было переменной. Жан — это было неожиданностью.

* * *

То утро было тихим. Я помню его до мелочей: плотный

завтрак — сладкий душистый травяной отвар, который варила мать ещё по её рецепту, и огромный кусок ветчины на ломте белого хлеба. Ветчину мы привезли из деревни — последний гостинец от соседки. Хлеб был ещё тёплый, из пекарни Марена. Я ел медленно, в два захода, и думал о том, что такое утро — это и есть счастье, только я не знал этого тогда. Я думал, что счастье — это когда что-то происходит. А счастье — это когда ничего не происходит. Тогда, в то утро, ничего не происходило. И я был, не зная того, счастлив.

Брат ушёл в кузницу ещё до рассвета — ему оставалось сделать пять одноручных клинков для гильдии наёмников, заготовки давно готовы, и к вечеру договор будет закрыт. Последний договор. Я слышал, как он уходит: скрип двери, стук его сапог по деревянному крыльцу, лёгкий звон молота на поясе. Я не вышел его проводить. Не потому, что не хотел. Потому что знал — он не любит прощаний. Рен вообще не любит слова «прощай». Он говорит «до утра» или «до работы». Он говорит только о том, что повторяется. Прощание — это о том, что не повторится. Поэтому он молчит.

После завтрака я зашёл в свою маленькую уютную комнату. Она была мала — четыре шага от двери до окна, — но светлая, с низким потолком, на котором я в детстве нарисовал углем руну света, и она слабо мерцала ночами, пока отец не сказал: «Орис, или ты её сотрёшь, или я тебя выпорю». Я не стёр. Он не выпорол. Руна так и осталась, тусклая, как далёкая звезда, — моя первая, кривая, несовершенная, но

живая. Я её любил. Я её любил так, как любят своё первое.

Из ящика стола — стол был отцовской работы, дубовый, с потайным отделением, где я прятал свои записи от Рена (Рен, впрочем, никогда не искал), — я достал потёртые тетради. Это были копии записей факультета зачарований всех пяти кругов обучения, которые скопировал для меня мой хороший приятель, барон Жан де Кюар. Копии были сделаны аккуратным, почти каллиграфическим почерком — Жан писал красиво, как все аристократы, у которых было время учиться красоте. На полях — его комментарии, иногда ядовитые, иногда смешные, иногда оба сразу: «Лэр Гредли утверждает, что руна холода активируется словом мороз. Лэр Гредли — дурак. Руна холода активируется силой воли и ничем иным. Я проверял. Проверял трижды. Третий раз — на лэре Гредли. Руна сработала.» Я любил эти тетради. Я любил в них всё — почерк, запах чернил, страницы, на которых Жан рисовал руны так тщательно, что они почти светились. Я не любил тогда никого, кроме отца. Но Жан был ближе всех.

С самого основания гильдии магов действовало железное правило: после обучения и получения лицензии маг из простых граждан сразу получал титул мелкого безземельного дворянина — шевалье. Поэтому в период обучения никаких званий и титулов не существовало, и всех желающих помериться длиной родословной или высотой титула моментально отчисляли без права восстановления. За все шестьсот лет существования Академии, говорят, только вначале были ин-

циденты, но после того, как опозоренные родовитые главы семейств начали лишать наследства своих чад, всё стало на свои места. Не то чтобы за пять лет не было драк и дуэлей — полно! Но это уже другая история. Я расскажу её когда-нибудь. Не сейчас.

Я думал о титуле шевалье. Безземельный дворянин — это, в сущности, ничего. Бумажка. Право носить шпагу, право называться «шевалье», право на уважение в таверне. Но я думал не о титуле. Я думал о том, что титул — это конец пути. Что после титула больше не нужно доказывать, кто ты. Что после титула можно начать жить. Я был молод. Я был глуп. Теперь я не молод. Теперь я знаю: после титула жизнь только начинается. И она — не легче.

* * *

Вспоминаю первое знакомство с Жаном. Это было ещё на втором круге обучения, за два года до провала. Я шёл с лекции стихийного факультета в свою комнату общежития, что располагалось рядом с трёхэтажным зданием факультета артефактов и зачарования. Был поздний вечер — лекции стихийников всегда заканчивались затемно, потому что лэр Гредли считал, что настоящая стихия раскрывается только в сумерках. Я не спорил. В сумерках было уютнее. В сумерках я думал лучше.

За углом здания, в длинной и всегда полутёмной арке перехода, я слышал еле слышный звук активации рун и сдавленный вскрик. Звук был короткий, тихий, как мышинный

писк. Я узнал его: руна «липучка» — грязное, подлое заклинание, которое прижимает жертву к стене и держит, пока в неё вливают ману. Руна, которой пользуются подонки. Я остановился. Я прислушался. Вскрик повторился.

Я быстро побежал по дорожке из жёлтой брусчатки. В левой руке — малый накопитель маны, который я носил с собой всегда, как талисман, — круглая, размером с голубиное яйцо, чёрная друза горного хрусталя, оправленная в медную проволоку. В правой — медная трубка диаметром в четыре сантиметра и длиной сорок, которую я вытащил из сумки в качестве дубинки. Я вспомнил, что на лекции, как в тубус, засунул в неё свёрнутую в трубочку руну ледяного ветра, нарисованную на обычном листе писчей бумаги. За час лекции я успел запомнить и начертить два экземпляра, но одну руну пришлось активировать на полигоне кафедры, чтобы погасить тестовый магический огонь и получить зачёт. Вторая осталась в трубке. Я держал трубку как дубинку, подбегая к арке. Я не думал тогда, что она станет тем, чем станет. Я думал — дубинка. Просто дубинка.

Я вбежал в арку и остановился. Вижу: два студента боевой магии с четвёртого круга обучения, полностью экипированные для работы на магической арене, припечатали моего одноклассника Жана с факультета артефактов магическим плетением к стене арки — активировав руну «липучка» — и, гаденько улыбаясь, медленно, вразвалочку, направились к нему. У обоих на лицах было выражение, которое я уже научился к

тому времени распознавать: выражение людей, которые делают подлость не из выгоды, а из удовольствия. Это было самое страшное выражение, которое я видел в Академии. Я видел его много раз.

Ближний ко мне, здоровенный парень с магическим жезлом, сначала дёрнулся в сторону, но, увидев стихийника второго круга не очень крупной комплекции, ухмыльнулся. При моём росте метр семьдесят он был на голову выше, а в надетом панцире магической защиты — в полтора раза шире. Панцирь был дорогой, из тех, что носят выпускники, — гладкий, чёрный, с серебряными рунными знаками на груди. Я таких в Академии видел только у троих. Это был либо подарок богатого папаша, либо краденый. Я склонялся к второму.

Второго нападающего я знал: это был Гарн, одарённый, как и я, из простых граждан, но большой любитель пресмыкаться перед богатенькими дворянчиками и за небольшую плату делать гадости — как в данном случае.

Сейчас он держал жезл в вытянутой руке и вливал ману в плетение, удерживавшее Жана у стены. Нервно озираясь, он выдохнул:

— Корт, ну что ты тянешь, давай быстрее, мне трудно удерживать плетение — у него мощный амулет защиты!

— А вот я сейчас и проверю, насколько он мощный, — быстро ответил Корт, и круглое хрустальное навершие жезла начало наливаться красным цветом.

Я прикинул интенсивность. Серия как минимум из трёх фаерболов. Может быть, из четырёх. На таком расстоянии — это смерть. Не для Жана — для нас всех, потому что арка была узкая, и пламя захлестнуло бы и его, и меня, и самих нападавших. Но Корт об этом не думал. Корт думал о другом. Корт думал о том, как ему будет хорошо, когда Жан сторит. Я не понимал этого. Я не понимал никогда.

— Что здесь происходит? — спросил я громко, одновременно смещаясь к противоположной стене, в надежде отвлечь нападающих от жертвы.

Корт, не отводя взгляда от Жана, заговорил. Голос его был ровный, почти ласковый — голос человека, который давно перестал считать других людей за людей:

— А что ты мне сделаешь, селянин? Это одноразовый жезл из древних руин. Здесь зарядов и на тебя хватит, а после полной разрядки он превратится в пыль.

Затем, хохотнув — коротко, лаем, — он обратился к Гарну:

— Видишь, что бывает с людьми, когда они появляются не в том месте и не в то время?

И уже потом — ко мне:

— Ты что, хочешь этой медной трубочкой мне спину почесать? Не утруждай себя, у меня для этого Гарт есть. Всё, прощайте.

Я быстро перебрал все варианты действий. Против магического панциря — ничего. Против одноразового жезла —

ничего. Против двоих боевиков магов — ничего. Я был стихийник второго круга. Я был без оружия. Я был без шансов. Но у меня в трубке была руна ледяного ветра. Ледяной ветер — самое слабое из боевых заклинаний: им можно остудить пиво, погасить лампаду, обрызгать девушку холодной водой на масленице. Им нельзя убить. Им нельзя даже ранить. Им можно только посмеяться. Но — я вспомнил трубку. Я вспомнил, как вкладывал в неё руну. Я вспомнил, как засовывал её туда, как в тубус. Я вспомнил — и понял.

Я моментально направил трубку на Корта и активировал руну. Я не доставал её. Я активировал прямо через трубку — на вытянутой руке, как дуло. Я не знал, что будет. Я знал только, что будет что-то.

Раздался оглушительный хлопок. Меня развернуло, и правую руку отбросило назад с такой силой, что едва не вывихнуло плечо. Я не ожидал того, что произошло. Думал, ледяным ветром остужу горячие головы двух буйных идиотов, но получилось не как на арене: там при активации руны появлялась быстро летящая полоса ледяного ветра, расширяющаяся при удалении метров на десять и постепенно теряющая скорость и силу. Здесь же получилась тонкая мощная струя ледяного ветра, которая своей силой сбила с ног Корта и его компаньона. Магический выстрел получился равный по силе руне воздушного копьё, но я — не боевой маг, и у меня нет навыка создания боевых заклинаний.

Корт лежал на брусчатке, и в его панцире, прямо посре-

ди груди, зияла вмятина величиной с кулак. Панцирь был пробит не насквозь — но треснул, как глиняный горшок, по которому ударили камнем. Гарн лежал рядом, без памяти, с открытыми глазами, в которых не было ничего — ни страха, ни боли, ни удивления. Просто ничего. Я перепрыгнул через Корта и подбежал к Жану.

— Идти можешь?

— Да, — обрадованно сказал Жан. — Бежим ко мне в общежитие, и спасибо тебе! Я твой должник!

И мы со всех ног рванули по брусчатке из арки, стараясь поскорее покинуть место столкновения. Перепрыгивая через Корта, я ещё раз глянул на вмятину. «Мой бог, — подумал я, — мне повезло, что руну я нарисовал на обычной писчей бумаге, а не на магическом пергаменте, который на порядок увеличивает силу руны». Если бы пергамент — Корт был бы мёртв. Я не хотел, чтобы Корт был мёртв. Я хотел, чтобы Корт был наказан. Но наказание и смерть — не одно и то же. Не всегда.

И всё-таки — что это было, откуда такая сила? Я не знал. Я не понимал. Я только что активировал слабейшую руну через медную трубку — и эффект был равен боевой руне воздушного копья. Трубка что-то сделала. Трубка что-то изменила. Я должен был разобраться.

* * *

Через пару минут, пробежав мимо старого орка-охранника — тот даже не моргнул, он давно привык к тому, что сту-

денты бегают по ночам, — на второй этаж здания, мы зашли в небольшую уютную комнату Жана. Я был в ней впервые. Я не знал, чего ожидать, — но то, что увидел, превзошло все мои ожидания.

— Присаживайся, — махнул рукой в сторону кресла из дорогого чёрного дерева хозяин комнаты. — Сейчас достану бутылку «Белой лозы», выпьем за удачу и знакомство!

В комнате не очень много мебели, но вся она — очень добротная и крепкая. У окна — невысокий столик для напитков, по обе стороны от него по креслу; в одном из них сижу я. По левой стене от окна — огромная деревянная кровать из чёрного дерева, инкрустированная небольшими треугольниками из прозрачного велорского красного дерева. Треугольники расположены в шахматном порядке, и при свете луны — а в комнате Жана всегда был виден лунный свет, потому что шторы он не задёргивал никогда — они кажутся то красными, то чёрными, как кровь и угли. У правой стены, у входа, огромным монстром стоит шкаф с множеством дверок и выдвижных ящичков; дальше расположился дорожный стол артефактора, совмещённый с малым столом алхимика.

Я не мог оторвать от этого стола глаз. На столе — медные тигель и ступка, тигель размером с кулак, с носиком, отполированным до медно-золотого блеска; ступка — тяжёлая, с пестиком, лежащим поперёк, как спящее оружие. Три колбы с подкрашенной водой — синяя, зелёная, багровая — стояли на деревянной подставке в три гнезда, и жидкость в них сла-

бо фосфоресцировала, как болотный огонёк. Горелка с фитилём, готовая зажечься от одного слова — я знал это слово, его учили на первом круге, но забыл, и теперь мне было неловко спрашивать. И — узкий деревянный пенал с лупой артефактора. Лупа лежала отдельно, на бархатной подушечке, — огромная, в медной оправе, с ручкой из кости. Я никогда не видел такой близко. Я знал, что такая лупа стоит десять золотых. Десять золотых — это два месяца достойной жизни.

Как говорил наш местный библиотекарь: «Шоб я так жил!» Библиотекарь был из простых, как и я. Он говорил эту фразу каждый раз, когда видел что-то, чего не мог себе позволить. Он говорил её часто.

— Барон Жан де Кюар, — представился мне обладатель этой чудной комнаты.

— Орис Менлор, просто одарённый из баронства Лоренса.

Мы крепко пожали друг другу руки. У Жана рука была сухая, тёплая, с длинными пальцами — рука человека, который не работал физически, но работал много. У меня — грубая, с мозолями на ладони и мозолью на среднем пальце правой руки от пера. Я в тот момент впервые подумал, что мозоль от пера и мозоль от молота — это две разные мозоли, но обе они — мозоли. И та, и другая говорят о труде. Только труд разный.

Мой новый приятель налил доверху вина в два небольших

серебряных кубка. Кубки были старинные, с гравировкой — родовой герб де Кюаров: два скрещенных меча над бегущим оленем. Я не удержался, спросил:

— Семейные?

— Прадедовские. Прадед был при дворе старого короля. Говорят, король подарил ему их сам, за какую-то услугу. Не знаю, за какую. Прадед не любил рассказывать.

С интересом поглядывая на мою сумку, Жан спросил:

— Орис, дружище, мне очень интересно: что было там, под аркой? Каким образом стихийник раскидал как котят не самых хилых на своём курсе боевых магов четвёртого круга? Я не смог точно определить, какую руну ты применил — что-то между воздушным копьём и воздушным тараном. Так?

Мы отпили по глотку великолепного терпкого сухого белого вина, привезённого из далёкого южного края. Вино было из «Белой лозы» — виноградника, что лежал у подножия старых холмов в трёхстах верстах к югу. Я знал это вино. Я пил его один раз в жизни, на сдаче зачёта по алхимии, и запомнил вкус навсегда: сухой, с лёгкой кислинкой, с долгим послевкусием, в котором угадывался и мёд, и цветочные тона, и что-то ещё, чему нет названия.

— И только не говори, что пользовался амулетом, — продолжил Жан. — Сразу скажу: я никогда не расстаюсь с перстнем-сканером и амулетом малой защиты. Так вот, эти мерзавцы применили руну «липучка», и я застрял у стены как парализованный. А ты, судя по данным сканера, применил

руну «ледяной ветер»! Но этим заклинанием максимум, что можно сделать, — погасить несколько лампад на расстоянии пяти метров!

Мне нужно было немного времени, чтобы подумать и решить, что можно сказать, а чего лучше не говорить. Я сделал пару медленных глотков вина, привёл мысли в порядок. Вино помогало. Вино всегда помогает думать — если пить его медленно. Я пил медленно.

— У меня есть предположение, но надо на практике проверить его. Если позволишь мне воспользоваться твоим столом артефактора — попробую разобраться. Это займёт немного времени.

Хочу сразу пояснить — потому что без этого пояснения дальше ничего не будет понятно. В гильдии магов пять школ: боевой магии, исцеления, артефактов, алхимии и стихии. Изучение школы артефактов проходят студенты всех направлений первого круга обучения — это связано с тем, что все маги должны иметь представление и уметь создавать элементарные руны первого круга, работать с артефактами и активировать их. Со второго круга обучения и до получения диплома маг окончательно выбирает свою школу — это зависит от уровня магической силы и объёма маны. Я выбрал стихию — потому что у меня были к ней способности, и потому что отец сказал: «Стихия ближе к земле, а ты — мой земляной». Я не понял тогда, что он имел в виду. Теперь — кажется, понимаю.

Я закончил первый круг, прокачав обе характеристики — силу магии и запас маны — до четвёртого уровня по десяти-балльной шкале ученика гильдии. После ученика по таблице рангов идёт маг первого, второго и третьего ранга, а вершина всего — Архимаг, но их всего два на нашем континенте. Кстати, единицы заканчивают школу даже с восьмым уровнем, так что пока я в рядах продвинутых учеников — надеюсь, к концу обучения достигну десятого. «Десятый уровень» — звучит как сказка. Но отец говорил: «Сказка — это то, во что нельзя поверить, пока не сделаешь. Сделай — и поверишь». Я верил. Я делал. Я не достиг. Я был четвёртый. Я был, впрочем, четвёртый из лучших.

Всё своё время я посвящал тому, что усиленно запоминал и чертил руны из разделов учебника — воздух, вода, огонь, земля, — добиваясь идеального сходства с оригиналом. После удачной попытки руна слегка подсвечивается, после чего её можно активировать. По созданию рун много нюансов, но самое главное, что влияет на силу и длительность заклинания, — это сила магии и количество влитой в руну маны. Я часами чертил одну и ту же руну — по двадцать, по тридцать раз подряд, — пока она не начинала светиться ровно, без всплесков и провалов.

Руны первого круга, ввиду малых затрат маны, любой студент может сам привязать к небольшому предмету — кольцу, кулону, браслету. Чем благороднее металл, тем больший объём маны можно влить в заготовку, тем мощнее будет ар-

тефакт. А вот руны со второго по пятый круг привязать к заготовке может только артефактор, с его уникальным навыком зачарования. Те, кто прокачал характеристики до четвёртого уровня и выше, проходят вторую инициацию и приобретают навык «магическое зрение» — его ещё называют «истинное зрение». Это позволяет магу создать плетение руны мысленно и сразу активировать, не прибегая к рисованию на пергаменте, — то есть создать заклинание. Несомненно, это очень удобно и показывает класс и уровень мага, но требует огромной концентрации и повышенного расхода маны.

В итоге: любой маг может создать и применить руны или заклинание по своему профилю, а вот привязать к заготовке амулета руны второго круга и выше может только коллега-артефактор — за очень приличную оплату. Я был стихийник, но не боевой маг. Я не мог убить человека заклинанием — мог только остудить его пиво. Но через трубку — я мог. Через трубку я стал опаснее выпускника. Через трубку я был кем-то другим. И я не знал — кем.

— Стол в твоём распоряжении, — сказал Жан, поднявшись с кресла и отпив вина. — Только осторожнее с горелкой. Она зажигается от слова «ignis», но я не уверен, что ты помнишь.

— Помню, — соврал я.

Я подошёл к столу, достал два простых листа писчей бумаги — той самой, дешёвой, из которой студенты первого круга делают свои первые руны, — и, не задумываясь, быст-

ро начертил на каждом по руне света. Самой простой руной, которую я мог начертить и закрытыми глазами. Я чертил её столько раз, что рука помнила каждый изгиб, каждый завиток, каждое прикосновение пера к бумаге. Руны засветились слабым золотистым светом — ровным, мягким, как свет маяка в тумане. Я знал эту руну. Я доверял ей. Она была моей первой.

— Готово. Смотри в сторону, сейчас будет ярко.

Я активировал первую руну, в которую влил маны по минимуму. В яркой вспышке исчез лист с руной — сгорел, как сгорает всё, во что влили ману: быстро, без следа, с лёгким запахом озона.

— Понял — это просто свет. А что дальше? — кивнул головой Жан.

Я молча подошёл к столику у окна, взял оба кубка, один отдал Жану. Вино блеснуло в серебре, как тёмная вода в колодце. Я посмотрел Жану в глаза. Он смотрел на меня с тем особым выражением, которое я уже научился распознавать: выражением человека, который понимает, что сейчас случится что-то, чего он не сможет объяснить. Я сказал:

— У меня просьба. Если сейчас получится — а я так думаю — дай мне слово, что молчим и никому не говорим, пока не запатентуем этот метод. Говорю сразу: на счёт патента у меня бзик. Отец всегда мне говорил: «Изобрёл — запатентовал — изготовил — продал! Самая беспроектная формула!» Предлагаю патент поделить пятьдесят на пятьдесят,

но оформляешь ты. Согласен?

В знак согласия Жан поднял кубок и пригубил вино. Он не спрашивал, почему оформляю я. Он понимал: барон де Кюар имеет право подать заявку на патент, Орис Менлор из баронства Лоренса — нет. Таков был мир. Я не выбирал этот мир. Я в нём жил.

Я достал из сумки медную трубку — ту самую, которую вчера прикупил у алхимика в лавке, гуляя по городу. Гоблин-алхимик с маленькими бегающими глазками клялся всеми святыми тотемами, что эту трубку ему подогнал его знакомый маг, вернувшийся на днях из Дамерских развалин. Я, конечно, посмеялся над его шуткой — Дамерские развалины были легендой, из них, по слухам, не возвращались, — но за десять медяков всё же купил. Десять медяков — это была цена ничего. Я купил ничего, надеясь, что это ничего — что-то. Оказалось — что-то. Большое что-то.

Свернув вторую руну света, я вложил её в трубку, на вытянутой руке направил в потолок. Трубка была прохладной, медной, с лёгким запахом окисла. Я держал её, как держат копьё — двумя руками, вторая для упора. Я не знал, что будет. Я знал только, что будет что-то. Это «что-то» — единственное, что у меня тогда было.

— Активирую, — предупредил я баронета.

Мы услышали звук, напоминающий шелест стрелы, пролетающей над головой. Не свист, не хлопок — шелест. Будто кто-то прошипел длинное слово. Пахнуло горелым дере-

вом — запах, который я узнал бы из тысячи, потому что это был запах отцовской кузницы, когда отец закаливал клинок и случайно перегревал его. На потолке появилось чёрное, слегка дымящееся пятно — круглое, с чёткими краями, диаметром с ладонь. Пятно светилось тёмно-красным, как уголёк в только что потухшем костре. Жан смотрел на потолок. Я смотрел на Жана. Жан молчал. Я молчал. Мы оба молчали, и в этом молчании было что-то большее, чем во всех словах, которые я мог бы сказать.

— О, Боги! Вот это сила, не так ли, Жан? Кажется, я знаю, как ещё усилить этот эффект! Но это смогу сделать только к завтрашнему дню.

— Превосходно, Орис. Тогда, если не затруднит, нарисуй эскиз изделия и напиши подробное описание, а я начну оформлять патент!

Я кивнул. Я сел за стол. Я взял перо. Я начал писать. Перо скрипело по бумаге, как мыши в стенах. За окном светало. Маленькое оранжевое солнце поднималось над горизонтом, и его свет падал на мою руку, на бумагу, на медную трубку, лежавшую рядом. Я писал. Я описывал то, чего не понимал. Я чертил то, что не мог объяснить. Я делал то, что делал отец, когда придумывал свои механизмы: я доверял рукам. Руки помнили. Руки знали. Руки — всегда умнее головы.

Забегая вперёд, скажу: патент мы так и не получили — о причинах расскажу позже. А вот друзьями с Жаном мы стали. Настоящими друзьями. Не такими, как Гарн, который

предает за тридцать серебрушек. Не такими, как Толстый Пит, который дружит, пока ты платишь. Настоящими — теми, кто приходит, когда тебе плохо, и уходит, когда тебе хорошо. Таких друзей немного. Мне повезло — у меня был один.

А пока что повозка катилась по просёлочной дороге, мимо убранных полей, мимо дремучего леса, мимо крестьян, которые провожали нас долгими взглядами. Рен правил лошадьми. Я лежал на матрасе и смотрел в потолок фургона, где дрожали тени от ветвей. Два солнца — малое оранжевое и огромное жёлтое — медленно ползли по небу, как два глаза одного и того же бога, который смотрел на нас и не моргал. Я думал о Жане. Я думал о patente. Я думал о сотне золотых, о годе, об экзамене, который я должен был сдать или не сдать. Я думал об отце — о его руках, о его молоте, о его молчании. Я думал о многом. Я думал слишком много. Но — я знал — что всё ещё только начинается. Что впереди — Тэмриль, океан, дядюшка Йон, новые заказы, новые люди, новая жизнь. Я не знал, какой она будет. Я знал только, что буду. Что я — буду.

Глава 2

Из лёгкой дрёмы — той, что на самой кромке яви, где прошлое ещё дышит вполголоса, а настоящее только примеряется к голосу, — меня вытянул голос брата. Не окликнул и не позвал. Именно вытянул — ухватил за ворот, как кузнец вытаскивает из горна раскалённую заготовку, и поставил на ноги.

Я разлепил веки. Солнце стояло уже высоко, и тень от парусинового навеса фургона лежала на моих руках чёткими ромбами — свет пробивался сквозь дырочки от старой штопки. В воздухе висела пыль, медленная, густая, как мелкая мука. Пахло нагретым деревом, конским потом, и ещё — едва уловимо — тёмным пивом, которое Рен, видимо, тайком от меня залил во флягу ещё на утреннем привале.

— Хватит дрыхнуть, малой, — сказал Рен, не оборачиваясь. — Давай решать будем, по какой дороге дальше едем. Если через Хлауд пойдём — крюк небольшой, но по главному тракту, к каравану можно прибиться. Безопаснее, само собой. Дольше на седмицу, чем если бы Сумрачным трактом пошли.

Я сел, потёр лицо. Скулы сводило после сна на жёстких досках: Рен отдал мне свой плащ, но и он не спасал от ухабов. Из фляги, протянутой братом, я сделал длинный глоток — вода была тёплой, не пиво, с лёгким привкусом меди, — и

ответил не сразу. Сначала прислушался к дороге.

Под нами мерно грохотали каменные плиты — тяжёлые, серые, с чуть зеленоватым отливом, какие бывают у старой бронзы. Дамерский тракт. Говорят, до Великой магической войны он тянулся от самого Моря Восхода до Западного хребта — одна сплошная лента, прямая, как стрела, без единого изгиба. Теперь местами плиты просели, кое-где провалились в подпочвенные пустоты, но и того, что уцелело, хватало, чтобы любой современный имперский каменщик тихо заплакал от зависти.

— По мне, — сказал я, возвращая флягу, — чем быстрее — тем лучше. На дорогах сейчас тихо. Разбойников год назад имперцы проредили — ушлый отряд третьего легиона прочесал Кривой лес, потерь почти не понёс, а из того, что нашли в лагерях, две трети оказались не разбойниками вовсе, а дезертирами. Нежить из Тёмных пустошей носа не кажет — последний раз её видели у Дамерских руин прошлой осенью, и то — стаю мелких упырей. До серых земель нам вообще не дойти. Так что Сумрачный тракт — наш путь. По нему до королевства Хейрон дотянем, там и определимся с дальнейшим.

— А заночевать?

— В Пунамме. Он как раз на перекрёстке стоит — Сумрачный сходится с Хлаудским трактом. Постоялый двор там, помнишь, с дурной репутацией, но пиво хорошее, а нам только переночевать.

Рен ничего не ответил — только кивнул, коротко и деловито, как кивают люди, привыкшие к долгим переходам. Потом протянул мне вожжи — тяжёлые, кожаные, с медными наконечниками на концах, протёртые до блеска на сгибах, — откинул парусиновый полог и исчез в глубине фургона.

— Я прилягу, — донёсся из темноты его голос, уже глухой, полусонный — Ты мне сегодня не дал выспаться. Храпел, как старый конь. И если помнишь — дорога приведёт точно к Пунамму, на подходе разбуди. Всё. Я сплю.

Я остался один на козлах. Вожжи привычно легли в ладони — тёплые, чуть влажные от росы, ещё не высохшей в тени навеса. Мерины — обе серые в яблоках, крепкие, низкорослые, из породы, что разводят в баронстве Лоренса, — шли ровно, не сбиваясь с шага, и я на минуту отпустил поводья, предоставив им самим выбирать путь по плитам. Они эту дорогу знали лучше меня.

Я внимательно огляделся. Широкий тракт из каменных плит тянулся впереди — прямой, как меч, положенный на стол. По обеим сторонам его обрамляли низкие, до колена, бордюры из того же серо-зелёного камня, и между ними, в узкой полосе пыли, чахлый кустарник пытался выдать себя за живую изгородь. Справа всё ещё тянулся дремучий лес барона Лоренса — но уже не такой густой, как утром: дубы и вязы поредели, между ними проглядывали поляны, на которых желтела поздняя сурепка. Ещё пара часов — и лес кончится совсем, уступив место полям и фермам Пунамма.

За ними, в часе езды, у небольшого озера, в тени многочисленных садовых деревьев, расположилось свободное поселение гоблинов. Именно к нему я и решил свернуть. В харчевне у них варят прекрасное тёмное пиво — густое, почти чёрное, с шапкой пены такой плотности, что ложка стоит. А жареная свинина с овощами, печённая в глиняном горшке под крышкой из теста, — это вообще нечто. Попробовав её однажды, я три седмицы потом не мог есть ничто другое без разочарования.

Но была и ещё причина. Владелец магической лавки в поселении — гoblin по имени Урсул — постоянно расширял свой ассортимент, и я от своих знакомых караванщиков узнал, что у него стали появляться книги и рукописи древних. Не те байки, что переписывают друг у друга городские книжники, а настоящие — привозимые из серых земель отрядами искателей. Я таких людей не любил — у всех у них был один и тот же взгляд, — но их товар любил.

Дамеры. Кто они были такие — сейчас не знал толком никто. На эту тему написано было очень много, но всё — без доказательств, на уровне «одна бабка сказала, а вторая подтвердила». В имперской библиотеке я однажды нашёл рукопись третьего века от основания империи, где серьёзный, судя по стилю, магистр истории доказывал, что Дамеры были не народом, а орденом магов-инженеров, ушедших в северные земли после какого-то внутреннего раскола. Через два зала, в отделе рукописей, лежал другой фолиант — его ав-

тор клялся, что Дамеры были ростом в три локтя, жили под землёй и питались каменным углём. Я не верил ни тому, ни другому. Но верил их дорогам.

Хорошо сохранившиеся руины древних остались только в серых землях — там, где шестьсот лет назад прошла Великая магическая война и где с тех пор не растёт ничего выше колена. Из этих руин охотники за артефактами иногда приносят что-то ценное. Механизмы древних — странные, обычно металлические, детали которых не похожи ни на что из нынешних — до сих пор не разгаданы. Со временем их стали привозить только под заказ, как правило, для гильдии механиков: те платят хорошо, но берут всё подряд, даже то, что, по моему мнению, давно мертво. А вот мифриловые доспехи и оружие — предел мечтаний любого искателя. Полный комплект доспехов обеспечивал безбедную жизнь не только счастливчику, но и его детям, и внукам, и, вероятно, правнукам — если те оказывались достаточно умны, чтобы не просадить всё в первый же год.

Самыми же распространёнными товарами из серых земель были кристаллы-накопители маны — их находили повсюду, иногда россыпями, как простой кварц; книги магов и алхимиков, написанные на языках, половину из которых уже некому прочесть; руны, отлитые в металле или вырезанные на камне; и прочие мелкие артефакты, назначение которых не мог объяснить ни один гильдейский магистр. Я такие вещи не любил: слишком уж они были непредсказуемы. Один

мой однокашник по гильдии купил как-то дамерский браслет — красивый, тонкой работы, с серебряной инкрустацией. Через седмицу его нашли бездыханным в комнате общежития. Браслет так и остался на запястье — холодный, тусклый, уже не магический. Просто красивая вещица.

Воспоминание — штука коварная. Стоит отпустить поводья внимания, и оно само выбирает дорогу. Я снова вернулся к тому, как мы с Жаном два года назад пытались получить патент на усилитель магии рун.

Патент мы так и не получили. Для чистоты эксперимента я тогда купил ещё одну медную трубку таких же размеров, как и у той, что приобрёл у гоблина-алхимика — хотел сделать подарок Жану. Но никакого эффекта усиления магии рун не произошло. Похоже было на то, что гoblin не обманул меня: трубка действительно была из Дамерских руин, и мало того — оказалась артефактом усиления магии. Просто вторая, контрольная, трубка таковой не была. Просто медь. Просто старая.

Я много экспериментировал с этим артефактом. На пятом круге обучения я уже мог за пару секунд нанести на него два плетения разных стихий — и эффект получался ошеломляющий.

Естественно, всё это я делал скрытно — для отработки практических заданий пришлось перейти на ночной график. В общем, артефакт остался нашей с Жаном тайной. И теперь эта трубка — медная, чуть длиннее локтя, с тёмной патиной

на стенках и едва заметной гравировкой из пересекающихся колец у основания, — всегда лежала у меня в магической сумке.

Дорога есть дорога. Воспоминания — воспоминаниями, а нужно следить за тем, что вокруг. Я закрыл глаза, сосредоточился — привычным усилием, как поворот ключа в замке — и вошёл в состояние истинного зрения.

Мир вокруг не изменился — но словно бы подсветился изнутри. В радиусе двухсот метров всё тихо и спокойно: только еле подсвечиваются ауры двух мерингов в упряжке — зеленоватое, ровное, чуть подрагивающее с каждым их шагом сияние, какое бывает у живых существ, не отягощённых тревогой. Сзади, в фургоне, яркая аура брата — густо-багровая, тяжёлая, как у всех, кто спит крепко и без сновидений. Сбоку от меня — россыпь мелких пятен, переливающихся всеми цветами: это создающие фон артефакты в моей магической сумке, каждая вещица гудит на своей ноте.

Сама сумка висела справа, на медном крюке, вбитом в борт фургона ещё отцом. Кожаная, с медными скобами по углам, с потёртым ремнём, на котором в свое время я поставил пряжку уже сам, из хорошей стали. Внутри — отделка из тонкой шёлковой ткани, пропитанной составом, гасящим магический фон. Жан говорил, что такая ткань — единственная, не считая шкуры василиска, — и я ему верил.

Не выходя из этого состояния, я решил создать несколько плетений и затем применить их. Давно проверено: чем боль-

ше практики, тем быстрее растут характеристики и опыт. А мне срочно нужно было пройти десятый уровень и выйти на уровень мага.

Это принесёт несколько плюшек — и плюшки эти были не из тех, что откладывают на потом. Во-первых, последний экзамен я смогу сдать в любом городе, где есть отделение гильдии, причём в любое время — правда, сто золотых всё равно придётся платить. Во-вторых, в режиме истинного зрения появятся три индикатора — вертикальные полосы красного, синего и жёлтого цвета, показывающие уровень наполнения жизни, маны и силы мага. Сейчас я мог только примерно чувствовать, сколько у меня осталось — и это похоже было на попытку определить температуру воды в котле, сунув в него палец. Ну и, наверное, самое главное: получу титул мелкого безземельного дворянина, шевалье. С этим титулом я смогу — наконец-то — владеть землёй на своё имя, вернее купить и владеть.

Я быстро создал плетение магического факела — огненный шарик размером с кулак, самое мощное заклинание в школе стихий в разделе «огонь». Плетение это я делал столько раз, что пальцы — мысленные пальцы, разумеется, — двигались сами: сначала внешнее кольцо из двенадцати искр, потом внутренняя спираль в три оборота, потом — замок, простая руна «зерно» в центре. Следом создал «воздушное дыхание» — лёгкое, как выдох ребёнка, но способное, если его правильно направить, раздуть любой огонь до пожара.

Именно в этой последовательности.

Вернулся в обычное боевое состояние — коротким волевым усилием, как опускают забрало, — и активировал заклинание, направив его на большой каменный валун в двадцати метрах от дороги. Валун был старый, поросший лишайником, и, кажется, помнил ещё те времена, когда тут не было никакого тракта.

Моментально достигнув цели, огненный шар растёкся по валуну небольшим озерцом синеватого пламени — и тут же в него влетело воздушное дыхание. Ярко вспыхнув, камень с треском развалился на несколько дымящихся частей. Один из осколков, килограмм на пять, пролетел над дорогой и упал в придорожную пыль, подняв столбик земли. Лошади дёрнули было — но я успел послать им короткий мысленный приказ, и они, фыркнув, пошли дальше.

— Отлично! — не удержался я вслух. — Я давно хотел попробовать эту связку. Вот теперь получилось.

Не раз я наблюдал за работой брата — видел, как он раздувает меха в кузнице, разогревая заготовки, помогая отцу. Сила и объём огня при этом увеличивались многократно — жаровня начинала гудеть, как маленький вулкан, и металл в ней становился сначала красным, потом оранжевым, потом — белым. Это наблюдение и привело меня к созданию нового заклинания, которое получилось мощнее плетения «огненный кулак» школы боевой магии. Жан, когда я ему показал, помолчал, почесал затылок и сказал: «А ведь у тебя, мой

друг, есть чутьё. Не у всех оно есть».

Ехать до поселения ещё было долго. Я достал из сумки записи Жана — лекции третьего круга школы артефактов и зачарования, переписанные его аккуратным, чуть наклонным влево почерком на тонкой бумаге из лыка. Тетрадь была потрепана — я уже раз сто её перечитывал — и местами перепачкана чернилами и пеплом.

В гильдии учителя утверждали, что, выбрав свою стихию, маг всю жизнь сможет работать только по своему направлению, и распыляться не имеет смысла из-за получения ничтожных результатов. Я в это верил — как верят все студенты в слова своих наставников, пока не увидят обратного своими глазами. Но на втором круге обучения, после знакомства с Жаном, было решено попробовать зачаровать артефакт второго класса — а для этого мне пришлось всё своё свободное время посвятить изучению рабочих тетрадей Жана и частым походам в магическую библиотеку.

Не сразу, но у меня получилось. И я сделал главный вывод, который впоследствии был подтверждён прочитанными мною многочисленными работами древних. Если кратко — в десятках книг и рукописей говорилось, что ещё до создания гильдии все маги были универсалами. Они обладали великолепной памятью — могли, говорят, удерживать в голове одновременно до дюжины сложных плетений, тогда как современный маг четвёртого круга с трудом удерживает три. У них была огромная сила магии и объём маны — такие, что

один маг-универсал мог, по преданиям, осушить небольшое озеро одним заклинанием. Нынешние архимаги на такое не способны.

Но после Великой магической войны, которая прокатилась по континенту шестьсот лет назад, всё переменилось. Появились серые земли — обширные, как три провинции вместе взятые, — с разрушенными городами древних Дамеров. Исчезли почти все источники маны: те редкие родники, что ещё бьют в имперских землях, дают в десять раз меньше, чем давали обычные колодцы до войны. Нарушился баланс между светлыми силами богов и чёрной тьмой падших — как говорили потом учителя в гильдии, «боги отвернулись, а падшие подобрали». На серых землях стали появляться магические врата — выходы из нижних пределов.

Приблизительно раз в пять лет исчезают силовые поля врат, и нечисть разных уровней нижних миров в течение седмицы выбирается на поверхность, пытаясь расширить пределы серых земель. Так происходило несколько столетий — и мир стал меняться. Постепенно началось вырождение магов: резко снизилась их рождаемость, и с каждым поколением магические характеристики стали снижаться с пугающей скоростью. Дети магов чаще всего рождались обычными людьми — без искры. А те, у кого искра всё-таки была, еле дотягивали до второго-третьего круга.

Сопоставив данные древних фолиантов и современных рукописей известных магов, я пришёл к неутешительному

выводу: по своим возможностям современные архимаги соответствуют обычным магам древних. Не мастерам, не архимагам древних — а обычным магам. Тем, кого в те времена считали подёнщиками, нанимавшимися для починки полей-накопителей и наладки водопроводов в городах. Мне трудно представить, какой же мощью, силой и знаниями обладали древние — и от этой мысли каждый раз становилось не по себе.

А пока я открыл записи на разделе «Иллюзии» школы артефактов и стал изучать руну «малый морок». Многодневные тренировки давали надежду, что скоро получится создать хотя бы элементарное привидение.

Вхожу в истинное зрение. Создаю руну морока — она напоминает маленький овал с расходящимися от него девятью волнистыми линиями, похожими на щупальца медузы. Линии эти несут в себе основные характеристики иллюзии: цвет, объём, движение, запах, звук. В центр нужно поместить мысленно созданный образ того, чью иллюзию хочешь получить, — затем активировать плетение.

У меня перед глазами замелькали картинки из огромного тома бестиария нижних земель, который я изучал в библиотеке гильдии. Гравюры были грубые, но информативные — каждое существо изображалось в трёх ракурсах, с указанием примерного размера. Я выбрал мелкого беса.

Образ поместил в центр овала, влил немного маны — буквально каплю, как из пустой фляги в стакан, — активировал

заклинание.

Мерзкое, кривоногое тело беса — размером с крупную собаку, со сморщенной кожей сизого цвета, абсолютно без растительности и с непропорционально большой головой со свиным рылом, — проявилось в десяти метрах слева от повозки, туда, куда я смотрел в этот момент. Кожа его блестела, как влажная глина, и мелко подрагивала, будто бес дышал. Но на этом всё и кончалось: ни движения, ни запаха, ни звука. Лошади даже не отреагировали — просто прошли мимо, как прошли бы мимо придорожного камня.

Слегка повернув голову направо, мне удалось сместить иллюзию метров на десять — она как будто скользнула вдоль дороги, оставаясь в поле моего бокового зрения. Получилось, только как-то неправдоподобно: не было жизни в этой картинке. Как дешёвая роспись на стене трактира.

Тогда я представил, как бы этот бес стал передвигаться по земле — короткие, смешные прыжки на кривых ногах, с раскачкой из стороны в сторону, с хлёсткими движениями хвоста, — и тут иллюзия как будто ожила. Стала медленно двигаться к повозке. Я добавил движение ушастой головы — она закачалась, как у злой лошади, — и оскал зубастой пасти: ряд мелких, загнутых внутрь зубов, блестящих слюной.

Кони резко остановились и дико заржали, поднимаясь на задние ноги. Вожжи натянулись так, что я испугался — не лопнут. Я вцепился в них обеими руками, упёрся ногами в подножку.

— Вот теперь — похоже, — хмыкнул я и развеял заклинание.

Из повозки послышался сонный — и тут же ставший очень не довольным — голос брата:

— Ну что опять! Можешь спокойно до города доехать? То взрыв какой-то, то лошади орут, как сотня пьяных орков! Успокой животных, слышишь, — уже хрипеть начали!

— Всё, всё, больше не экспериментирую, — крикнул я в ответ, придерживая лошадей. — Это у меня случайно получилось! Сейчас их магией успокою.

Я активировал заклинание малого спокойствия — мягкое, тёплое плетение, похожее на материнскую ладонь на голове. Лошади разом опустили на четыре ноги, фыркнули в последний раз и фыркнув, бодро потащили фургон по дороге. Я же решил продолжить тренировку, но очень осторожно. В качестве иллюзии выбрал десяток экзотических бабочек далёкого южного королевства Занаби — тех самых, что величиной с ладонь, с крыльями цвета расплавленного золота и чёрной, как уголь, каймой по краям.

Каждой дал своё направление движения, свой узор полёта — одна взлетела круто вверх, другая пошла по кругу, третья метнулась к фургону и вернулась, — и повесил иллюзию справа от фургона. Получилось очень красиво: стайка бабочек ярчайших расцветок, медленно кружась, стала сопровождать нас на расстоянии трёх метров, и солнце просвечивало сквозь их крылья, бросая на пыль дороги золотистые

блики.

Пока я занимался магией, мы въехали в открытые ворота поселения гоблинов. На столбах по обеим сторонам висели высушенные лошадиные черепа — не для устрашения, а по старому поверью гоблинов: череп отпугивает мелких духов, что норовят проникнуть в поселение по ночам и красть молоко у коз.

Местная мелюзга с восторженными криками преследовала наш фургон, толкаясь, прыгая и пытаясь схватить медленно порхающих бабочек. Гоблинские дети — невысокие, зелёнокожие, с острыми ушами и серьёзными, не по-детски серьёзными, глазами — провожали нас до самой площади. Один мальчишка, лет шести на вид, всё-таки поймал бабочку — и тут же с визгом отпрянул, когда его ладонь прошла сквозь иллюзию. Я усмехнулся и развеял эту бабочку. Мальчишка посмотрел на меня, серьёзно кивнул — дескать, понял, больше не обманешь — и побежал догонять своих.

На площади у таверны — просторной, в два этажа, с вывеской в виде весёлого гоблина с кружкой пива, — я развеял иллюзию под недовольный гул детворы, подал вожжи охраннику-конюху в одном лице, попросил поставить фургон в тени старого дуба, заплатив за стоянку пару медяков. Дуб был огромный, ещё помнивший, вероятно, первое поселение гоблинов на этом месте, — с корнями, вылезшими из земли, как спины старых крокодилов, и кроной, закрывавшей половину площади.

Конюх — пожилой гоблин с морщинистым лицом и редкими седыми волосами, собранными в тонкую косичку — взял медяки, спрятал их в складки засаленного передника и коротко сказал:

— Постерегу. Фургон — как свой. Овса дам. Воды — из родника, не из колодца.

Я кивнул. У гоблинов это считалось гарантией — родниковая вода для лошадей была делом чести.

Брат раздвинул брезент фургона, прыгнул на землю — тяжело, по-медвежьи, с глухим ударом подкованных сапог о пыльную мостовую, — потянулся так, что хрустнули ключицы, и спросил:

— Опять в магическую лавку пойдёшь? Ну, давай, а я пока что-нибудь поесть закажу, заодно и запас на дорогу сделаю. У нас ведь ещё осталось место в твоём морозильном сундуке? Передавай Урсулу моё почтение, поблагодари за дамерскую присадку для оружейной стали, и, кстати, купи ещё одну упаковку — нам надолго хватит.

— Сделаю. К вечеру буду у таверны.

Я повесил свою сумку на плечо — привычным движением, проверив, что ремень не перетянут, а медные скобы не давят на бок — и быстрым шагом направился на улицу мастеров поселения.

Улица спускалась вниз, к озеру, в тени раскидистых яблонь и абрикосов. Деревья тут были старые, искривлённые, с корявыми стволами — но плоды давали сладкие, и в сезон

уборки улица пахла так, что у любого путника, проходившего мимо, немедленно начинали течь слюнки. Теперь, в конце лета, абрикосы уже отошли, но яблоки ещё висели — мелкие, бурые, с кислинкой, — и ветер изредка ронял их на мостовую, где они тут же раскатывались под ноги прохожим.

Напротив каждой лавки располагались столы с массивными столешницами — из тёмного, просмоленного дерева, с бортиками по краям, чтобы товар не скатывался. На столах лежал ходовой товар: у одного — глиняная посуда, простая, без росписи, но добротная; у другого — верёвки и канаты всех толщин, у третьего — кожаные изделия, от седельных сумок до кошельков; у четвертого — ножи, копья и серпы, выложенные на холщовой подстилке в строгом порядке, от малых к большим.

Но так как у меня была цель поскорее добраться до магической лавки, которая находилась почти на самом берегу, я, не обращая внимания на приглашения продавцов оценить их товары, только вежливо здоровался с ними. «Доброго дня, уважаемый», — говорил я одному. «Здрав будь, мастер», — кивал другому. Один из них — старый гоблин с серьгой в ухе, торговавший медными котлами, — крикнул мне вслед:

— Эй, человече! Загляни на обратном — есть у меня котелок, как раз для тебя, маленький, медный, с толстым дном. Дёшево отдам.

— На обратном пути, — отмахнулся я, не оборачиваясь. Наконец зашёл в торговый зал лавки Урсула и поздоро-

вался:

— Доброй торговли тебе, уважаемый Урсул! Вот заехал к тебе попрощаться и прикупить что-нибудь новенькое, если есть.

Лавка Урсула была невелика — три комнаты, расположенные анфиладой, — но набита была так плотно, что, кажется, ещё одна иголка — и стены бы лопнули. В первой, торговой, вдоль стен стояли полки, заставленные баночками, коробочками, мешочками и свёртками; под потолком висели пучки сушёных трав и связки амулетов — последние лениво покачивались от сквозняка, и каждый издавал свой, едва слышимый звук: один звенел, другой шелестел, третий глухо гудел. Во второй комнате — складской — царил полумрак и пахло кожей, воском и какими-то кислыми составами. В третьей был кабинет хозяина, с низким чайным столиком, двумя табуретами и медным самоваром, который Урсул, кажется, не гасил вовсе.

Сам Урсул — гoblin уже в годах, с морщинистым лицом и длинными, почти седыми усами, заплетёнными в две тонкие косички, — сидел за прилавком в первой комнате и что-то записывал в толстую, потрёпанную книгу. Увидев меня, отложил перо, встал — он был мне по грудь — и расплылся в широкой щербатой улыбке. Двух передних зубов у него не было — потерял, по его же словам, в драке с гильдейским проверяющим лет двадцать назад.

— Тебе очень повезло, Орис, — сказал он, улыбаясь. —

Как раз вчера вернулся из экспедиции отряд искателей, которому удалось побывать в серых землях. Они привезли кучу всякого хлама — посмотри, может, что выберешь. И у меня к тебе есть предложение. Я слышал, что у тебя есть артефакт, рядом с которым совсем не портятся продукты питания?

Я кивнул, не торопясь отвечать. Урсул говорил быстро, перескакивая с мысли на мысль, как это часто делают люди, у которых в голове одна идея сменяет другую, не успев оформиться. Это значило, что предложение у него было подготовлено заранее.

— Сразу скажу: это нужно моему племяннику. Он по молодости и своей глупости три дня назад заключил сделку на поставку в торговую гильдию Пунамму два полных фургона хейронской мраморной телятины и уже взял деньги на закупку. Сам понимаешь: если доставку сделать телепортом, придётся ещё из своих денег доплатить около сорока золотых. Дорога в лучшем случае займёт две седмицы, но уже через день по такой жаре товар можно будет выбрасывать. Я вот думаю: может, вернуть им деньги и заплатить неустойку? Но нет, не могу — это нанесёт урон деловым связям нашей семьи с торговой гильдией.

Он замолчал, тяжело дыша.

— Давай сделаем так, уважаемый Урсул. Пока я смотрю твой товар и подумаю, как мне помочь племяннику, ты подумаешь о размере скидки на сегодняшнюю закупку.

— Хо, — в знак согласия кивнул хозяин лавки и открыл

мне дверь в складскую комнату. А сам прошёл на кухню готовить цветочный чай.

В этой лавке я бывал частенько и поэтому сразу прошёл к полкам, где обычно Урсул хранит самое ценное. Полки были заставлены под самый потолок — пять рядов, по восемь-десять предметов на каждом, — и все вещи были разной степени сохранности. Урсул терпеть не мог возиться с уборкой, и потому артефакты в его обители давно покрылись густым слоем пыли. Она оседала слоями, сплетаясь с полумраком комнат, и в конце концов сама стала неотъемлемой частью этого странного интерьера — словно ещё один экспонат в коллекции забытых чудес.

Не долго думая, перешёл на истинное зрение. Складская комната тут же ожила — серые, скучные при обычном зрении полки вдруг засияли десятками отблесков магических предметов. Их было не очень много — двенадцать, может быть, пятнадцать, — но три из них меня заинтересовали своей магической структурой. Два лежали рядом, на второй полке снизу, третий — через два ряда, на верхней.

Я перенёс их на свободную полку — ту, что пониже, чтобы удобнее было рассматривать, — и стал разглядывать уже обычным зрением. Это были блоки каких-то Дамерских механизмов. Внешний осмотр ничего не дал: металлические параллелепипеды размером с ладонь, тёмно-серые, чуть шершавые на ощупь, как старый чугун, — но без единого шва, без единой отверстия, без единой видимой дета-

ли. Тяжёлые — каждый, наверное, с полкилограмма. И холодные — холоднее, чем воздух в комнате, хотя и лежали на полке уже не один день.

Покопавшись в своей сумке, достал очень дорогой амулет распознавания, который создал на пятом круге обучения и в знак нашей дружбы подарил мне Жан. Амулет представлял собой плоскую, размером с монету, пластину из белого металла — не серебра, а сплава, рецепт которого Жан, не сказал даже мне это их родовой секрет, — на лицевой стороне которой была выгравирована руна «око»: круг с расходящимися от него двенадцатью лучами. На обратной — глубокая, вырезанная резцом, надпись на старо имперском: «Видеть — не значит знать». Жан всегда был немного философом.

Направил его на артефакты и стал ждать. Прошло десять секунд — долгих, как десять минут, — и амулет, моргнув красным цветом, потом сразу зелёным, вошёл в режим ожидания и погас. Я опустил его в ладонь, не отрывая взгляда от блоков.

«Как интересно, — подумал я, положив ещё четыре мелких артефакта рядом с блоками. — Получается, что блоки не опознаны — это красный цвет амулета. Но зелёный показывает: они из одного механизма или схожего назначения, и значит, существует возможность их объединить. Будем торговаться!»

С остальными артефактами разобрался в течение пяти

минут: три были защитными амулетами второго уровня — простые, надёжные, ценой по пять-семь золотых каждый; а вот четвёртый — амулет-переводчик первого уровня, довольно редкий артефакт. Делал он простую вещь: позволял понимать любой разговорный язык в радиусе слышимости носителя — но не говорить на нём. То есть слышать и понимать — да, а ответить можно было только на своём. Для торговца, караванщика или дипломата — вещь незаменимая. Его я тоже решил приобрести, если, конечно, сговорюсь с Урсулом.

Увидев вошедшего хозяина лавки — он нёс поднос с двумя чашками цветочного чая и блюдцем медовых коврижек, — показал на выбранный товар и спросил:

— Что решил со скидкой? Скорее всего, я смогу помочь твоему племяннику. И, ко мне пришла такая мысль, что готов предложить тебе совместное дело — думаю, ты оценишь.

В последнее время, после усиленных магических занятий, которые требуют большой собранности и тренировки памяти, я заметил, что стал быстрее думать, замечать и анализировать то, на что ещё год назад не обратил бы никакого внимания. Про такой эффект в развитии мага нам неоднократно говорили учителя гильдии — но одно дело слышать, и совсем другое — ощущать на себе. И вот сейчас, как только Урсул рассказал про своего племянника, у меня сразу появился готовый вариант разрешения проблемы.

— Что же мы стоим, — засуетился хозяин лавки. — Прой-

дём в мой кабинет, расскажешь, что придумал, заодно и чая попью!

Мы прошли в кабинет. Я сел на табурет — грубо сколоченный, но устойчивый, с подушечкой на сиденье, — и поставил на чайный столик изящную дамерскую керамическую чашку. Чашка была мне знакома — Урсул ею угощал всех более-менее важных гостей. Тонкая, почти прозрачная на свет, с лёгким зеленоватым оттенком, с процарапанной по обжигу спиралью на боку — единственным орнаментом. Говорят, такие чашки в дамерское время делали по сотне в день — а теперь и одной не сделаешь.

— Слушай, — начал я. — У меня сейчас есть два амулета малого холода, недавно созданных мною, — заряда хватит на три седмицы гарантированно. От тебя потребуется лишь полностью обшить повозки внутри досками пробочника, а снаружи — обычной дубовой доской. А предложение у меня такое: мы с братом отправляемся к морю, в Тэмриль. Там, как сам понимаешь, морепродукты некуда девать, а здесь цены заоблачные и выбор никакой. Предлагаю тебе сначала запатентовать морозильные повозки. Потом создать в торговой гильдии новое направление по перевозке свежих морепродуктов. Да, я знаю возможности твоей семьи — думаю, у тебя получится. И после того, как твой племянник закроет договор с торговой гильдией, вопросов просто не будет.

Урсул смотрел сквозь меня мутным взглядом, при этом губы его забавно шевелились — очевидно, уже была подсчи-

тана вся прибыль, поделена и потрачена, подумал я. Я видел, как за его узкими зрачками бегают цифры — пятьдесят, сто, двести золотых чистой прибыли в месяц, — и мысленно усмехнулся. Гоблин есть гоблин.

Я продолжил:

— У меня единственное условие: мой брат должен быть твоим партнёром — по проценту прибыли пятьдесят на пятьдесят, согласен? И сразу скажу, что амулет — моя разработка, его я специально не патентовал, и, к тому же, он с защитой от определителя рун, так что мы с тобой будем единственными обладателями такого вида услуг.

— Что ж, — сказал торговец, и его голос стал вдруг серьёзным, деловым. — По рукам. Думаю, это верное дело.

— Тогда мы с братом ждём тебя на ужин в таверне вместе с племянником. А теперь хочу уточнить: сколько мне заплатить за товар?

— Как будущему компаньону сделаю огромную скидку и возьму с тебя всего один золотой — думаю, это нормально? И ещё не беспокойся, я пришлю товар с посыльным в таверну «Весёлый гоблин», вы же наверняка остановитесь в большом гостевом номере?

— Да, всё правильно, — ответил я, направляясь к выходу из магической лавки. — И, кстати, совсем забыл: брат просил ещё одну упаковку дамерской присадки для стали — вот ещё один золотой.

Я уже хотел уходить, но в тени уютного дворика, на широ-

кой столешнице торгового стола, моё внимание привлекли старые потрёпанные книги — некоторые без обложек и слегка обгоревшие, скорее всего из последней поставки. Этого товара я ещё не видел в этой лавке. По всей видимости, товар не представлял особой ценности, если прижимистый Урсул решил выставить всё это на улице, дав право покупателю самому выбрать товар и на своё усмотрение оплатить.

Я подошёл к столу, провёл ладонью над корешками. Книги были разные — от тонких брошюр в несколько листов до увесистых томов в потрескавшейся коже. От некоторых пахло гарью, от других — сыростью, от третьих — той особой, ни на что не похожей сладковатой затхлостью, что бывает у бумаги, пролежавшей в закрытом помещении не один десяток лет.

Пролистав все более-менее целые книги, оставил их в покое: из пятнадцати томиков только пять были из древних рун, но и те, судя по иллюстрациям, были какой-то любовной чепухой. Я не понимал, зачем искатели вообще тащили такое — разве что ради веса, чтобы получить больше за «находку». На одной из гравюр была изображена пара — мужчина в плаще с капюшоном и женщина в длинном платье, — стоящие на балконе и смотрящие на закат. Подпись под гравюрой была на дамерском, и я не понял ни слова, но позы и выражения лиц говорили сами за себя: сентиментальная чепуха, каких и в наше время печатает каждая вторая лавка в столице.

А из оставшихся отложил две книжки без обложек, слегка обгорелые, на дамерском языке. Как говорят наши современные учёные — мёртвом языке. Ещё никто не смог перевести ни одну дамерскую книгу, хотя алфавит практически такой же, как и у нас. И это несмотря на то, что император Коллин Пятый, прадед нашего действующего императора Валентайна, ещё триста лет назад подписал указ о награде в десять тысяч золотых за раскрытие этой тайны. Десять тысяч золотых — сумма, на которую можно купить небольшое баронство. И ни один маг, ни один лингвист, ни один историк за триста лет не смог её получить.

Я открыл одну из книжек. Бумага была грубая, желтоватая, с вкраплениями каких-то волокон — то ли конопли, то льна. Текст шёл сплошным потоком, без абзацев, без заголовков, без единого знака препинания, который я мог бы опознать. Буквы были знакомы — «а», «б», «в», и так далее, — но слова, которые они составляли, были лишены всякого смысла. Я провёл пальцем по первой строке, ощущая подушечками шероховатость старой бумаги. Где-то в этих значках, в этих строчках, должно быть, скрыт смысл. Но — пока что — недоступный.

Убрав обе книжки в свою сумку, я положил на стол по медяку за каждую в качестве добровольной платы и направился к озеру — вернее, к одиноко стоящей на берегу хижине алхимика.

Дорога к озеру шла через небольшой, но густой ивняк.

Ивы тут были старые, корявые, с корнями, вылезшими в воду и образовавшими что-то вроде естественных мостков. Сквозь их ветви пробивался свет — косой, золотистый, как бывает только под вечер — и ложился на тропинку неровными пятнами. Воздух пах водой, тиной, и ещё — чем-то кислым и горьким одновременно. Это был запах алхимии. Запах, который я узнавал бы из тысячи.

Молодой на вид, шустрый гоблин отличался от местного населения маленьким ростом — как в народе говорят, «метр с кепкой» — и сероватым цветом кожи; это объяснялось тем, что он родом из северных приграничных серых земель. Серая кожа у гоблинов — признак северной крови, и в южных поселениях они встречаются редко. Хинк был одним из немногих.

Алхимик сидел в тени ивы на скамье и что-то энергично растирал в медной ступке. Ступка была ему почти по пояс — тяжёлая, с потемневшими от времени стенками, с бортиком, отколотым в одном месте. Пестик — короткий, толстый, с потёртой деревянной рукоятью — ходил в его руках быстро и ровно, как поршень в цилиндре паровой машины. Из ступки поднимался лёгкий зеленоватый пар, и Хинк время от времени склонял голову, приносясь.

— Хинк, как дела? Что нового?

— А, Орис! Всё ка ра шо, рад тебя поглядеть!

— Не поглядеть, а видеть! Я же тебе давал разговорник, не было времени поучить?

— Да-а-а! Сабсем не бил времянь! — тут он не выдержал, заржал, и потом продолжил: — Да всё нормально, спасибо тебе за разговорник и кристалл-усилитель памяти. За год удалось избавиться от жуткого диалекта серых земель. Если сейчас рожу перекрасить в зелёный цвет — от местных и не отличишь.

— Ну, перекрашивать не обязательно, — улыбнулся я. — На скорость создания зелий, надеюсь, не влияет? Ведь так?

— Так, так. А почему долго не появлялся? У меня для тебя есть одна вещичка — пойдём, покажу.

Он поднялся с лавки и мелкими шажками потрусил к хижине, прижимая ступку со звенящим пестиком к кожаному фартуку на груди. Фартук был старый, в пятнах от реактивов — бурый, зелёный, чёрный — и явно не знал стирки уже не один год. Я последовал за ним, закрыв за собой хлипкую дверь — она была из тонких досок, скреплённых крест-накрест, и не закрывалась плотно даже снаружи, — прошёл в лабораторию алхимика.

Лачуга была невелика, но уютна и крепко сбита. Стены — из тёсанных брёвен, проконопаченных мхом; потолок — низкий, так что мне, человеку среднего роста, приходилось чуть пригибаться; пол — из широких, стёртых досок, в щелях которых виднелись крупницы какого-то тёмного вещества — то ли угля, то ли какого-то реактива. В углу, под потолком, висел пучок сушёной белены, распространявший лёгкий, чуть дурманящий запах.

Вдоль левой стены, от пола до потолка, тянулся деревянный стеллаж с ящичками; на каждом была выбита медная бирка с символом травы или минерала — Хинк любил порядок не меньше, чем пиво. Бирки были разные: одни — свежие, блестящие, недавно выбитые; другие — тёмные от времени, с почти стёршимися знаками. Некоторые символы я узнавал — корень мандрагоры, лист белены, толчёный коготь василиска, — другие были мне незнакомы, и я подозревал, что часть из них Хинк придумал сам.

Под окном стоял длинный рабочий стол из тёмного дуба. Стол был разделён на две половины, и каждая жила своей жизнью.

Левая половина — для алхимии. На ней — медная ступка, в которую Хинк только что выложил пестик; тигель из толстой глины, с потемневшими от огня стенками; две горелки — одна большая, с медным резервуаром для масла и длинным фитилём, вторая маленькая, спиртовая, с прозрачным стеклянным резервуаром; набор пипеток в деревянной подставке, вырезанной в виде лотоса — двенадцать пипеток, от тончайших, толщиной с иглу, до толстых, с горошину; стеклянный шкафчик с реактивами — двадцать четыре пузырька, каждый с припечатанной сургучом пробкой и подписанный тем же аккуратным почерком Хинка.

Правая половина — для травника. На ней — плоские весы с бронзовыми чашками, уравновешенные сейчас гирькой в одну унцию; ножи трёх размеров — малый, для тонкой на-

резки листьев; средний, для корней; и большой, с тяжёлым лезвием, для веток и коры. Все три ножа хранились в кожаных ножнах, висевших на стене за столом. Рядом — керамические чаши для сушки, четырёх размеров, с крышками; ступка поменьше, фарфоровая, для нежных трав; и связка льняных мешочков для хранения готовых сборов.

Над столом, на деревянной штанге, висели пучки сушёных трав, грибы на бечевках и связки когтей-и-клыков — обычное богатство северного алхимика. Когти были разные — медвежьи, волчьи, и один, самый крупный, тёмно-бурый, с лёгким зеленоватым отливом — я не сразу, но узнал: коготь василиска. Таких в наших краях не водилось — Хинк, видимо, привёз его с севера.

Хинк уже поставил ступку на рабочий стол и подошёл к стеллажу с книгами и рукописями. Книг было немного — дюжины полторы — но все они были в хорошем состоянии: аккуратно переплетённые, с золочёными корешками. Это было для Хинка непривычно — он вообще-то не отличался любовью к переплётам, и я видел, что эти книги для него — особенные.

— Вот! — протянул мне старую потрёпанную книгу. — Посмотри!

Я взял её в руки. Книга была тяжёлой — тяжелее, чем можно было ожидать от её размера, — и холодной. Переплёт — из тёмной, почти чёрной кожи, с едва заметным тиснением в виде тех же пересекающихся колец, что и на моей мед-

ной трубке. По краям переплёт был потёрт, а в одном углу — обгоревший, но в целом книга сохранилась удивительно хорошо.

Я раскрыл её. Бумага была тонкая, гладкая, с лёгким шелковистым отливом — не чета той грубой желтоватой массе, что я только что рассматривал в лавке Урсула. Шрифт — мелкий, чёткий, набран с такой аккуратностью, что, казалось, каждая буква вырезана отдельно. Это была книга древних в отличном состоянии.

Называлась она «МАГИЧЕСКИЕ ИСКУССТВА». Открыв оглавление, прочитал: «Практическое использование заклинаний семи магических школ». Семь школ. Современная гильдия признавала только четыре.

Я вдруг вспомнил давно забытый разговор с архиварием магической академии. В гильдии магов не утихали споры: преподаватели то и дело заводили разговоры об учебниках древних. Говорили, будто, где-то они хранятся, но никто из присутствующих ни разу не держал их в руках — даже те, у кого был доступ в главную имперскую магическую библиотеку.

Ходили слухи, что в библиотеке есть особое закрытое хранилище. Попасть туда могли лишь магистры ордена Серебряного Ключа и то не в одиночку, а непременно в присутствии трёх свидетелей. Сама мысль о том, чтобы переступить порог этого хранилища, будоражила умы, но дальше слухов дело никогда не шло. Я поначалу принимал эти беседы за

очередные легенды, которыми любят украшать лекции, чтобы заинтриговать учеников. Но однажды старший архивариус, будто невзначай, обронил фразу, которая заставила меня взглянуть на эти разговоры иначе.

— «Древние», о которых все твердят, — пробормотал он, не поднимая глаз от пожелтевшего свитка, — вовсе не те самые Дамверы, чьи имена высечены на обелисках в Зале Памяти. Это их потомки. Те, кто принял наследие, но пошёл своим путём. И книги, что считаются «древними», на деле не реликвии забытой эпохи, а труды, написанные уже в имперскую эпоху. По сути, это и есть современная имперская магическая доктрина, только облечённая в язык, который нынешние студенты едва ли способны прочесть без толкователя.

И тогда меня словно озарило. Я понял, как всё устроено и как мы всё это время путали звенья одной цепи. Наши предки — это и есть те самые «древние»: народ с собственной культурой, письмом и языком, из которого и выросла нынешняя имперская речь. А Дамеры... они были ещё раньше. Предки древних. Со временем они переродились, изменились, слились с новыми землями и новыми обычаями и в итоге стали теми самыми «древними», чьи книги теперь прячут за семью печатями.

Архивариус чуть приподнял бровь, будто почувствовал, что до меня наконец дошло.

— Вот именно, — тихо произнёс он, проводя пальцем по

краю свитка, где узор переплетался с выцветшими чернилами.

А потом, словно решив добить меня окончательно, он добавил:

— А те книги, что вам выдают за Дамерские... да, они и правда восходят к той эпохе. Только не думай, что это единый свод знаний одного великого народа. Во времена Дамеров на этих землях жило множество племён и союзов каждый со своим наречием, своей письменностью, своими тайными знаками. Одни чертили руны на камне, другие выводили витиеватые иероглифы на шёлке, третьи связывали смысл в узорах на коже. И вот эти-то обрывки традиций, эти осколки разных культур и стали тем, что мы теперь называем «дамерскими книгами». Не единый язык великой империи, а лоскутное одеяло из десятков наречий, где соседствуют знаки, давно утратившие общий смысл. Потому-то они и кажутся нечитаемыми: это не один шифр, который можно разгадать, а множество чужих языков, каждый из которых помнит лишь свой уголок мира.

И вот теперь с книгой в руках я даже приблизительно не мог предположить ценность и стоимость этого учебника — и поэтому просто спросил:

— Откуда это у тебя? Понимаешь, что здесь никто не сможет купить эту книгу — она бесценна! Я даже и не прошу продать: у меня нет таких денег. Могу дать совет: только в столице империи тебе заплатят достойную цену за этот арте-

факт. Так что не теряй времени — отправляйся порталом в столицу, там станешь богатым и счастливым.

Хинк ничего не ответил. Молча отошёл к столу, достал из нижнего ящика — того, что с медным замочком — глиняный кувшин с пивом и две медные кружки. Кружки были старые, с тёмной патиной на стенках, с вмятиной на одной — след, как я знал, от неточно брошенного в гнев пестика. Он молча налил в них пиво — тёмное, густое, с шапкой пены такой плотности, что ложка бы стояла — и кивком головы пригласил меня присесть на грубо сколоченный массивный табурет у небольшого закусочного столика. Сам уселся рядом на точно такой же, сделал маленький глоток и сказал: — Орис, у меня есть к тебе просьба, но прежде послушай то, что я сейчас расскажу.

Он замолчал. Я поднял кружку, сделал глоток — пиво было хорошее, холодное, с лёгкой хмельной горечью — и стал ждать.

Глава 3

— Начну с того, что всю свою жизнь, кроме последних трёх лет, я прожил в северной части серых земель, в городке Коннер.

Город — слово слишком громкое для тысячи семисот дворов, слепленных из серого камня и глинобитной черепицы; но жителей там было тысяч семь, и почти все они, прямо или косвенно, кормились от одного — от прибывающих поисковых отрядов искателей сокровищ. Древние руины лежали в двух-трёх днях караванного пути к северу, и любой отряд меньше пяти бойцов возвращался оттуда разве что в виде обглоданных костей. Так, по крайней мере, считали в Коннере, и у меня не было оснований с этим спорить.

Таверну родичи купили лет двадцать назад. Дело пошло сразу — отчасти потому, что мать умела варить пиво, какого не подавали в трёх соседних деревнях, а дядя умел не задавать лишних вопросов, когда клиент расплачивался найденным в развалинах серебром. Мать, тётки и сёстры работали в зале и на кухне, отец с дядей занимались закупками, старшие братья следили за порядком — а следить было за чем, потому что искать сокровища приходят не только святые. Дед был другим. Дед был шаманом и алхимиком, и силу его я могу оценить теперь, спустя годы, тогда как мальчишкой только держал ступку да подметал пол в лаборатории.

Именно дед занялся моим воспитанием, когда в десять лет у меня проявился дар — с такими низкими параметрами, что в гильдию магов меня бы не приняли даже привратником. Но дед пообещал сделать из меня помощника шамана или алхимика и, помолчав, добавил: алхимиком быть почётнее, а шаманом — прибыльнее, и предоставил выбор мне. Я выбрал алхимию — не из почёта, а потому что алхимик умирает в своей постели, а шаман чаще у чужого костра.

Уже в семь лет я ходил с дедом к ближним руинам — на сбор растений, светящихся грибов подземелий и прочей мелочёвки, которая для других была просто грязью под ногами, а для нас — сырьём. Это было почти безопасно: все близлежащие руины давно расчищены, всё, что можно было унести, унесено и продано. Но руины продолжали излучать ровный магический фон, и за века этот фон изменил свойства всего, что росло и ползало по ним. Грибы светились ярче, травы поднимались в рост человека, а мыши в подземельях научились кусать не хуже хорьков.

Спустя восемь лет дед сказал, что ему больше нечему меня учить. Сказал буднично, за ужином, не поднимая глаз от ложки. Я кивнул, доел кашу, и на следующее утро встал за прилавок нашей алхимической лавки. Два года я работал в ней, ходил один по ближним руинам в поисках сырья и составлял самые востребованные в наших краях зелья: на укрепление брони и оружия, на восстановление маны и жизни, и ещё с дюжину других — тех, на которые всегда есть

покупатель, даже если он не помнит названия. К восемнадцати годам, как сказал мне дед, по уровню мастерства я достиг десятой ступени ученика гильдии — и это был мой потолок. Десятая ступень. Хороший, крепкий потолок, чтобы всю жизнь биться об него головой.

Но однообразие — та же тюрьма, только без стен. Я несколько раз ходил с группой искателей в качестве лекаря — ну и, по совместительству, повара: дорогое сочетание, если вдуматься. Из последнего рейда из десяти бойцов вернулись трое: я и два сержанта-мечника. Одного я вытащил, можно сказать, из лап тёмного бога — хорошо, что заранее сделал запас зелий большого восстановления здоровья, иначе не довёз бы его до города живым. Другого, впрочем, тоже.

В знак благодарности, после выздоровления, сержант предложил мне выбрать любые три предмета из его доли артефактов. Ломаться я не стал. К тому же мне повезло: сержант не был обучен грамоте, и три книги древних, которые всякий воин счёл бы бесполезной обузой, для него были просто тяжелой ненужной поклажей. Я мог бы хапнуть дамерское оружие или броню — не мифрил, конечно, но тоже дорогие артефакты; однако книги лежали ближе к сердцу, а сердце, как известно, имеет дурную привычку решать за хозяина.

Хинк сделал огромный глоток пива, поставил кружку на столик и вытер пену тыльной стороной ладони. Кожа у него на тыльной стороне была грубая, желтоватая, в старых шра-

мах — следы давних лет в лаборатории, где-то рядом с кислотами, которые не прощают небрежности.

— До меня дошли слухи, — начал он, и я заметил, что он репетирует эту речь уже не первый день, — что ты с братом собрался поселиться у моря. Возьмите меня с собой. Места я много не займу, лекарь и повар в одном лице для такого длительного путешествия не помешают. А в качестве подарка — вот.

Он выложил на стол книгу. Обложка была потёрта до бахромы по углам, корешок треснул в трёх местах, но золото тиснёного названия всё ещё угадывалось: «Магические искусства». Этой книгой, как поспешил он уточнить, он воспользоваться не мог — он же алхимик. Деньги его мало интересовали — их он всегда смог бы заработать своими зельями. А вот о таком путешествии мечтал давно. Так как? Согласен?

— Ну, ты и удивил меня, Хинк, — я допил пиво и тоже поставил кружку на столик, рядом с его, так что кружки глухо звякнули. — Я-то не против, мне вообще будет веселее. Но нужно поговорить с братом. Приходи сегодня на ужин в таверну — там всё и решим.

Через два дня рано утром мы покинули свободное поселение гоблинов уже втроём — брат, обсудив предложение за ужином и не найдя в нём изъяна, протянул Хинку руку через стол и сказал только: «Карту знаешь — вперёд». За прошедшие дни мы успели заключить сделку с хозяином ал-

химической лавки и с торговой гильдией, оборудовать и запатентовать две повозки-морозилки для племянника Урсула — молодого гоблина, и сделать запасы продуктов на дорогу: солонина в берестяных туесах, вяленая рыба, круги твёрдого сыра, мешки муки и бобов, две фляги масла, бочонок солёных огурцов и маленький, на три кружки, бочонок чего-то покрепче — на случай, если придётся резать или жечь.

Поскольку выехали рано, в городок Пунамму заходить не имело смысла: мы оставили его в стороне и сразу свернули к Сумрачному тракту. Фургон у нас был большой, на трёх осях, с парусиновым верхом в два слоя — наружный, прокрашенный дёгтем, и внутренний, льняной, который хотя бы не пах так, будто на нём три месяца коптили рыбу. У заднего борта, пространство занимал морозильный ларь — ёмкий дубовый ящик, обитый внутри пробочником, с установленным внутри амулетом холода, который держал температуру чуть выше точки замерзания воды до двадцати суток без подзарядки. Внутри ларя, на полках из ивового прута, лежали продукты, которые не любили тепла, и несколько склянок с зельями, которые я возил с собой на всякий случай.

На козлах помещалось трое — на широком дубовом сиденье, обитом по бокам кожей, с подлокотниками из литой бронзы и откидным ящичком под сиденьем, куда я прятал мелочёвку. Поводья шли через бронзовые кольца, вделанные в край, козел; под ногами — медный поддон, чтобы не отморозить пятки в сырую погоду. Запряжён был парой меринов

— неповоротливых с виду, но способных тащить фургон с полной загрузкой по любой дороге, которую вообще можно назвать дорогой.

Дорога, ровная как стрела, ведущая к столице королевства Хейрон, вплотную обступили вековые чёрные ели. Даже днём, при свете солнца, тракт был сумрачным, тёмным и немного жутковатым: свет сюда падал не сверху, а словно бы косо, отражённый от тёмной хвои, и от этого становился не чище, а гуще. На тракте располагались только немногочисленные таверны — приблизительно в дневном переходе друг от друга. Деревень и посёлков вдоль дороги не было: никто не хотел жить в этом мрачном месте, где, к тому же, находились руины и родовые склепы древних. Все они были давно исследованы, но исходящий от них магический фон отпугивал и животных, и людей. Только поисковые отряды по заказу гильдии магов изредка забирались в дебри Тёмного леса, тянувшегося вдоль Сумрачного тракта, — за редкими растениями и за древесиной, из которой выходили луки, бьющие на сто шагов дальше обычного.

Хинк сидел на облучке и правил мериными — не столько правил, сколько не давал им свернуть на обочину, потому что мерины и сами знали дорогу лучше нас. Я сидел рядом, развернув на коленях учебник-артефакт «Магические искусства».

Книги древних — особого рода предметы. Внешне они похожи на обычные книги: кожаный переплёт, сшитые в тет-

ради листы, золотое тиснение на корешке. Но откроешь — и понимаешь: это не книга, это дверь. Листы её сделаны не из пергамента и не из бумаги; материал, насколько я мог понять, ближе к тонко раскатанному перламутру, и поверхность его чуть влажная на ощупь, как кожа только что вынутой из воды рыбы. Текст, однако, не расплывается — он как бы вварен в материал, и буквы проступают на разной глубине, в зависимости от того, какая школа магии открывается читателю. Запах тоже свой: запах нагретого солнцем мокрого камня, и ещё чего-то, чему нет названия в моём ремесле. Я открыл школу Колдовства. Это была одна из трёх школ, помещавшихся в книге, — и одна из двух, к которым у меня до сих пор не доходили руки. Три раздела, не больше, но какие: «Призвать оружие», «Призвать предмет», «Призвать существо». Я остановился на первом и принялся заучивать руну призыва оружия. Руна была несложной — четыре линии, замкнутые в неправильный ромб, и точка пересечения диагоналей, которая и была «сердцем» руны, её активационным узлом. Я несколько раз прорисовал её мысленно, прежде чем рискнуть расходовать ману.

В качестве предмета призыва я выбрал стальной кинжал — самое простое заклинание школы и, как я предполагал, с самым малым расходом маны. Первая попытка: я протянул руку, нарисовал руну в воздухе — и ничего не произошло. Вторая: та же пустота, плюс лёгкое покалывание в основании черепа. Третья — четвёртая — пятая. На пятой воздух

в моей ладони загустил, потемнел, и в руке у меня возник — не появился, а именно возник, будто всегда там лежал — стальной кинжал.

Клинок был узкий, длиной сантиметров тридцать, с лёгким долом посередине и слегка вогнутой режущей кромкой. Гарда крестовидная, невысокая, с шаровидными окончаниями; рукоять — бронзовая, рифлёная, чтобы не скользила в мокрой ладони, с круглым навершием, утяжелённым свинцом для баланса. Баланс, что характерно, был идеальным: кинжал лёг в руку так, будто был продолжением кисти. На пять попыток призыва я израсходовал четверть запасов маны — теперь нужно было засечь время, на которое кинжал удерживался в нашем мире.

— Какая красота! Получилось! — заорал Хинк, едва не вывалившись с козел. — Дай подержать, можно?

Я отдал ему кинжал — осторожно, рукоятью вперёд, как учили в гильдии, — и достал из сумки кристалл-накопитель. Это был шестиугольный цилиндр из ростового кварца длиной в ладонь, обтянутый по граням тонкой серебряной проволокой. На одном конце — медный наконечник с гравированной руной восстановления; на другом — глухая серебряная заглушка. Кристалл был тёплым — всегда тёплым, даже если лежал в сумке несколько дней, — и чуть гудел, если приложить к нему ухо. Я приложил его к запястью, к точке пульса, и медленно выдохнул: мана потекла обратно, как вода в пустой сосуд. Голова слегка закружилась — ощущение,

к которому невозможно привыкнуть.

— Готово? — Хинк всё ещё вертел кинжал, любуясь балансом. — Ну и ну. Я, между прочим, тоже пробовал. Двадцать раз пробовал. Ничего.

— Не расстраивайся, — ответил я, забирая кинжал и снова убирая его в пространство между мирами — на этот раз намеренно, в обратной последовательности. — Как нас учили в гильдии магов, если подобрать под свой дар только одну школу и прокачивать навыки этого направления, можно увеличить объём маны в несколько раз. Ты метишь в алхимии, у тебя получается алхимия. Прыгнуть через школу — это не для всех.

— Это я и сам знаю, — Хинк насупился. — Но чтоб с первой же попытки...

— С пятой, — поправил я. — А если честно — с пятой, после того как я четыре часа учил руну. Так что у тебя всё впереди.

Кинжал исчез ровно через две минуты. Хинк разочарованно вздохнул:

— Так мало?

— Ну это только начало, — сказал я.

Далее в течение часа я призвал стальной кинжал двадцать раз, дважды почти полностью расходуя ману и подзаряжаясь от кристалла-накопителя. К двадцать первой попытке кинжал наконец начал выходить с первой же активации руны. Мне даже показалось, будто объём моей маны и правда под-

рос: очередной заряд из накопителя вливался в тело чуть полнее, чем раньше, словно расширяя привычные границы. Но, как ни всматривался я в страницы учебника артефакта, нового заклинания там так и не появилось — страницы оставались упрямо пустыми. Перед тем как призвать серебряный кинжал, я ещё целый час зарисовывал и запоминал руны призыва — на этот раз она была сложнее: шесть линий, замкнутых в неправильный шестиугольник, и две диагонали, пересекающиеся вне центра. После первых пяти неудачных попыток у меня закончилась мана. Я снова восстановил её накопителем — на этот раз пришлось подержать его у запястья почти минуту, и рука после этого онемела до локтя. На девятой попытке у меня в руке возник серебряный кинжал.

Клинок — длинный, прямой, с двусторонней заточкой, чуть расширяющийся к острию. Серебро было не чистое, а с какой-то голубоватой присадкой — возможно, с следом мифрила, но я не мог сказать наверняка. Рукоять слегка изогнутая, удобная, обтянутая тонкой серебряной проволокой поверх кожаной оплётки. Гарда S-образная, с короткими прямыми концами, без украшений. Баланс был смещён чуть к острию — это был уже не рабочий нож, а оружие, рассчитанное на укол. Я передал кинжал Хинку; на этот раз он продержался в нашем мире десять минут — маны я потратил в пять раз больше, чем на стальной, что было в пределах ожидаемого.

— Всё, — сказал я, забирая вожжи у Хинка. — Мне нуж-

но немного отдохнуть от занятий. А ты бы позанимался прокачкой. Посмотри в школе Восстановления заклинание «Малое лечение» — у тебя должно хватить маны; если нет — вот, возьми накопитель.

— Ага, — Хинк взял у меня накопитель и книгу и тут же уткнулся в неё с видом мальчишки, которому дали сладкий пирог. Я перехватил вожжи и вошёл в режим истинного зрения.

Истинное зрение — не «зрение» в обычном смысле. Это, скорее, другой способ видеть: цвета блёкнут, очертания проступают резче, и поверх обычной картины мира ложится слой аур и магических фонов. Чтобы войти в режим, нужно не столько усилие, сколько своего рода внутреннее отпусканье — как будто отпускаешь поводья, которые держишь всю жизнь, и вдруг понимаешь, что лошадь и без тебя знает дорогу.

Чёрные ели высветились серыми точками — тусклыми, почти мёртвыми, как угли под пеплом. Два мерина мерцали ровным светло-зелёным — цвет здорового тела, цвет продолжающейся жизни. На ауры брата и Хинка я не смотрел — не хотелось отвлекаться. Медленно просматривая пространство перед собой, я прошёл взглядом по обеим сторонам тракта. И в ста метрах от повозки, с левой стороны, появилась жёлтая мерцающая точка. Ещё одна. И ещё. И ещё. Я сбился со счёта на двадцать пятой.

— Хинк, — спросил я, не выходя из режима и продолжая

сканировать лес, — ты как травник и алхимик должен знать: магические растения имеют свой фон или, может быть, ауру?

— Есть фон, — ответил Хинк, не отрываясь от книги. — Как мне говорил дед, каждый тип растений имеет свой фон. Например, растения с синим фоном применяют для зелий восстановления или увеличения магии, с жёлтым — для увеличения силы, а с красным — для восстановления здоровья. Это базовое знание травника. А вообще у каждого настоящего мастера-травника есть книга рецептов, в которой подробно расписано, где какие растения и в каких пропорциях смешивают на алхимическом столе. Ты интересуешься алхимией?

— Просто сейчас мы проезжаем поляну, на которой полно растений с жёлтым фоном. А вот ещё с красным появились.

— Ты уверен? — Хинк поднял голову от книги и удивлённо посмотрел на меня. — Разыгрываешь?

— Пойдём, посмотрим.

Я остановил лошадей и бросил вожжи внутрь повозки брату, который уже проснулся и собирался выбраться к нам на козлы. Хинк надел большую сумку травника — кожаную, с восемью отделами, с медными крючками для крепления на поясе — спрыгнул на дорогу и последовал за мной. Углубившись метров на двадцать в лес, приятель не выдержал:

— Ну и где цветы? Всё-таки разыграл меня!

— Да всё нормально, Хинк. Ещё метров восемьдесят пройдем — и будет тебе поляна. И вообще, успокойся: жив-

ности, кроме цветов, нет, даже птицы здесь не летают.

— Откуда ты знаешь, что не летают?

— Не слышу. И не вижу. В истинном зрении птица светится ярче растения — её трудно не заметить.

Через пять минут мы вышли на довольно большую поляну. Я от ярких красок цветов даже остановился — в истинном зрении поляна горела, как костёр: жёлтые, оранжевые и красные точки слились в сплошное свечение, и где-то в центре этого пожара вспыхивали редкие синие искры. Хинк, выйдя из-за моей спины, как-то странно — то ли хрюкнул, то ли икнул, — посмотрел на меня и хрипло спросил:

— Как это? Как ты узнал? Мой дед, маг первого ранга, видит фон растений на расстоянии десяти метров — и это считается отличным достижением. Я вот только, взяв в руки цветок, могу снять его характеристики. Ты точно ученик десятого уровня?

— Да, точно, точно. Начинай сбор, а то до ночи не успеем до таверны добраться, придётся на тракте ночевать. А я пойду к дальнему краю поляны.

Не спеша я прошёл к краю поляны, обошёл огромную вековую ель — её ствол в три обхвата, кора в трещинах, из которых сочится тёмная, как дёготь, смола — и увидел валун, заросший синим мхом.

Мха я не знал. Я не имел навыка травника, и, честно говоря, всегда считал, что синий мох — сказки для младших учеников, вроде синей белки или зелёного оленя. Но у ме-

ня была отличная память, и в течение пяти лет я провёл огромное количество времени в библиотеке гильдии, прочитав огромное количество книг и древних рукописей; впрочем, попадались и древние рецепты с удивительными волшебными свойствами — и с несуществующими ингредиентами к ним. Один такой рецепт я вспомнил теперь, глядя на мох.

Рецепт «малого воскрешения». Суть его в том, что если в течение пяти минут после гибели любому разумному существу — будь, то человек, гоблин или гном — влить зелье малого воскрешения внутрь, оно запускает вновь все жизненные процессы, и существо оживает с десятью процентами жизни. Единственное условие — голова должна быть на плечах. Ну, если точнее, не отдельно от тела. Синий мох — основной, трудно заменимый ингредиент этого зелья; второй, гриб-трюфель, обычно рос тут же, рядом с мхом, в симбиозе. Но я позвал специалиста.

— Хинк! Иди сюда, я ещё кое-что нашёл!

— Это так срочно?

— Да, думаю, это ты оценишь. Давай уже иди быстрее — мне самому интересно, что ты скажешь. А потом я помогу тебе собрать твои лютики-цветочки.

Травник оставил свою сумку на середине поляны и быстрым шагом подошёл ко мне.

— Ну, что там у те...

Он не договорил. Просто молча упал на колени у валуна

и начал медленно очищать его от мха, аккуратно складывая светло-синие, почти фиолетовые пряди на подстеленную дерюжку. Движения у него были осторожные, ритуальные — я видел, что он работает так, как учили в гильдии: не срывать, а срезать, не срезать, а отделять, не отделять, а просить. Когда он закончил со мхом, стал аккуратно откапывать сам валун — который оказался совсем не валуном, а огромным грибом почти круглой формы с серой блестящей кожистой оболочкой, покрытой тонкой сетью светлых прожилок.

— Не перестаёшь меня удивлять, Орис, — произнёс травник, выкручивая гриб из земли с тихим хрустом, похожим на звук ломаемого сухого хлеба. Через минуту он поднялся, отёр руки о штаны и, протянув мне добычу, спросил: — Ты знаешь, что это такое?

— Думаю, это гриб. Какая-то разновидность трюфеля. Я, вообще-то, позвал тебя из-за синего мха. Про мох что можешь сказать?

— Про синий мох слышал какие-то сказки от деда, но даже не хочу пересказывать — полный бред. А вот гриб — это действительно трюфель. Только название его — Трюфель Серебристый, или, как говорят в народе, Молодильный гриб! — Хинк почтил гриб долгим, уважительным взглядом. — Посмотри, какой гигант — из него можно сварить как минимум десять порций зелья! Я всего раз в жизни видел такой гриб, но только размером со сливу. Деду его принёс знакомый травник, вернувшийся из Серых пустошей. В общем,

не сошлись они в цене — не было у нашей семьи таких денег. Впрочем, если бы мы продали таверну и лавку алхимика, возможно, и хватило бы впритык. Тогда же я и услышал байки про то, что такое чудо растёт только в Серых пустошах и в Чёрном лесу. Прими мои поздравления — вы с братом стали очень богатыми людьми!

Я молча кивнул. Молодильный гриб — это было что-то вроде пенсии: одна порция зелья на чёрном рынке стоила годового дохода средней таверны, и спрос на него не падал никогда, потому что умирать никто не хотел, а те, кто могли позволить себе зелье, — умирали всё реже.

Мы подошли к сумке травника. Хинк достал белый тряпичный мешочек — простой, льняной, но с восковой пропиткой изнутри, чтобы зелье из гриба не вытянуло в ткань — положил в него трюфель и, передав его мне, сказал:

— Иди в фургон. Положи гриб в ведёрко, обязательно налей в него пару кружек воды — так он сохранится до вечера. В таверне я его перегоню в зелье. Я пока закончу со сбором растений.

— А мох?

— Мох — твой. Я бы тоже взял, но у меня и так руки заняты, а ты его всё равно первый нашёл. Справедливо.

— Справедливо, — согласился я и, забрав трюфель и свёрток с синим мхом, направился к фургону.

Брат сидел на козлах и курил короткую трубку — гномы такие трубки называют «носогрейками». Это была короткая,

в две ладони, глиняная трубка с медной решёткой на чаше и узким мундштуком, выточенным из воловьего рога. Табак в ней был не простой, а гномий — тёмный, влажный, пахнущий смолой и горелым дубом, и дым от него шёл густой, белый, почти маслянистый, и держался в воздухе долго, не желая рассеиваться. Рен молча наблюдал за моими действиями. Когда я присел рядом на козлы, поставив ведёрко у ног, он вынул трубку изо рта, выпустил струю дыма в сторону и спросил:

— Что-то интересное нашли?

— Не поверишь. Молодильный гриб и синий мох — не считая огромной поляны магических растений.

— Как ты догадался, что именно здесь нужно останавливаться, брат? — Рен выбил пепел из трубки о бронзовое кольцо поводьев и аккуратно утрамбовал новую порцию табака.

— Я стал видеть фон растений и ауры людей и животных очень чётко, в цвете и на большом расстоянии. С чем это связано — не знаю. В гильдии говорили, что при переходе на уровень мага может появиться один или несколько навыков, не связанных с основной специальностью. С чем это связано и что на это влияет, так и не разобрались. Но у меня появилась мыслишка.

— Ну, не тяни — мне же интересно!

— И мне тоже! — заорал радостный Хинк, бросив свою огромную сумку с богатой добычей в дальний угол фургона

и забираясь на козлы с нашей стороны.

Брат взял поводья в руки и тихо свистнул — мерины резво зашагали к нашей первой стоянке, таверне «Чёрный Кабан». Я сидел на мягком сиденье козёл с правой стороны нашего огромного фургона; брат сидел между мной и Хинком. Они оба одновременно повернули головы ко мне в ожидании моего рассказа. Я достал из своей сумки стеклянную флягу в кожаной оплётке — тяжёлую, с деревянной пробкой, — отпил воды, протянул её брату и начал:

— Да что говорить-то. Вы оба знаете: у меня хорошая память, и книжки читаю быстро. А в гильдии я, кроме изучения своей школы магии стихий, стал изучать ещё несколько других школ. За пять лет по трём школам — исцеления, алхимии и артефактов — достиг, скорее всего, пятой или шестой ступени ученика. А ввиду того, что всё это изучал тайно — учителя гильдии магов официально не запрещали изучать другие магические школы, но очень не приветствовали.

— А что не приветствовали? — спросил Рен.

— Не приветствовали, когда ученик становится слишком универсальным. Маг-узкий специалист управляем. Маг-универсал — нет.

— И ты решил стать неуправляемым, — усмехнулся брат.

— Я решил стать живым. Уже на втором круге обучения я понял, что из нас готовят магов с узкой специализацией, с чем был не согласен, хотя вслух этого не высказывал. Я считал, что очень много времени тратилось не по назначе-

нию: еженедельные балы с театральными представлениями, выступления менестрелей. И если к этому прибавить один выходной день в седмицу и каникулы в две седмицы каждые полгода, то непонятно, за что брали такие огромные деньги — за развлечения или за обучение магии.

— За иллюзию обучения, — сказал Рен. — За спокойствие, что твой сын — маг, и за уверенность, что он не станет кем-то большим. Иллюзия — самый дорогой товар в любом королевстве.

— В общем, — продолжил я, — к такому выводу по поводу обучения пришёл не только я. К концу второго круга барон Жан де Кюар и ваш покорный слуга нашли единомышленников и создали, негласно, группу, в которую входили ученики разных кругов обучения и магических школ. Было нас человек пятнадцать. Из них до конца третьего круга дошли семеро.

— А остальные?

— А остальных либо отчислили, либо они тихо отошли от дел. Гильдия не любит, когда ученики задают вопросы.

Я сделал ещё глоток из фляги и продолжил:

— Сейчас расскажу про особенности перехода с десятого уровня ученика на уровень мага. Переход этот у всех проходит по-разному: у одних — в течение двух месяцев интенсивной прокачки навыка своей школы, у других может растянуться и больше года. В нашей тайной группе только я один пытался изучать заклинания всех магических школ —

ну, кроме школы боевой магии. Остальные изучали по одной дополнительной школе — в основном боевую магию и исцеление. Так вот, при переходе на уровень мага, к основному навыку — например, тому, кто изучал школу боевой магии, — кроме навыка этой школы появлялся ещё один навык, той школы, которую изучали дополнительно. И, кроме того, с появлением навыка происходит изменение в магическом зрении — у всех по-разному.

У меня ещё нет ни одного навыка, но чувствую, что уже скоро будет переход. А способность видеть ауры людей и животных в радиусе двухсот метров довольно чётко и в цвете, и фон магических растений появились после того, как я достиг четвёртой ступени всех четырёх изучаемых мною школ. Могу рассказать подробнее, если интересно.

Оба моих слушателя почти одновременно кивнули в знак согласия.

— После достижения четвёртой ступени ученика основной школы магии — Стихии, — как и у всех учеников, у меня появилось истинное зрение, оно же магическое, в котором я могу мысленно, тончайшими магическими линиями рисовать руны для последующей их активации. После достижения четвёртого уровня школы Исцеления, при входе в истинное зрение появился слегка подсвеченный круг магического обнаружения ауры. Как я узнал у знакомых целителей, все они получают такое свойство; самые продвинутые могут определить по ауре состояние живых существ в радиусе пя-

ти метров.

Следующим моим приобретением стала способность видеть фон растений — это произошло после изучения до нужного уровня школы Алхимии. Меня не покидает мысль, что я должен видеть ещё и руды, возможно, металлы — время покажет. Ну и последнее, что я изучил, — это школа Артефактов. Здесь всё просто: я вижу фон артефактов — пока тех, которые находятся у меня в сумке, парочки у Хинка в куртке и одного на шее. Ну и у тебя, брат, тоже есть пара, но их я сам тебе давал.

— Теперь всё поняли? — прошептал Хинк.

— Хренасе, — через паузу сказал Хинк. — Так получается, что, если я сейчас начну изучать и прокачивать заклинания всех магических школ, при переходе на уровень мага у меня появятся свойства и навыки всех школ, и я стану магом-универсалом?

— Теоретически — так. Ты должен изучить остальные школы не ниже четвёртого уровня ученика. Но ты уже на десятом уровне, поэтому у тебя не так много времени. Выбери одну школу и изучай — возможно, успеешь до перехода в маги. У меня есть копии всех лекций всех пяти магических школ — могу дать на время. А может быть, попробуешь по учебнику, который ты мне подарил?

— Нет, я пробовал — не получилось. Достань мне лекции по первому кругу обучения школы Восстановления — начну с раздела «Исцеление», там должно быть проще растол-

ковано.

— Хорошо. Вечером, как приедем в таверну, достану тебе тетрадь. А пока покачаю навык призыва.

Я снова и снова стал призывать заклинание серебряного кинжала. На третий раз мана полилась ровно, без рывков, руна замкнулась сама — и серебряный клинок возник в ладони почти мгновенно, будто его там и ждали. На седьмой раз я поймал себя на том, что рисую руну машинально, не задумываясь о порядке линий. На двенадцатый — понял, что могу активировать её мысленно, без жеста. На двадцатый — что жест всё-таки нужен: не для руны, а для того, чтобы рука помнила, что она вообще что-то делает.

Часа через три я полностью разрядил два больших накопителя из пяти заполненных и почувствовал, что пора остановиться. Магическая усталость — штука коварная: она накапливается незаметно, и замечаешь её только тогда, когда пальцы уже не слушаются, а во рту — вкус медной проволоки. Я развеял кинжал, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Сухость во рту, лёгкий тремор в пальцах правой руки, тупая боль в висках — всё это было знакомо, всё это означало одно: ещё одна попытка — и я выйду из строя на сутки. Не стоило.

Ехали мы довольно быстро и скоро должны были приехать к таверне. Стало темнеть, и мне пришлось повесить пару магических источников света над головами меринов — два небольших шара, с кулак размером, плавающих в воз-

духе чуть выше лошадиных ушей. Цвет у них был мягкий, голубоватый, тёплый на взгляд, и от них шло слабое, едва осязаемое тепло — как от печки, протопившейся ещё с утра. Мерины, привычные к магии, даже не дёрнули ушами.

Вскоре показалась таверна. Она стояла на тракте, окружённая каменной стеной высотой в два метра — невысокой, скорее обозначающей границу двора, чем останавливающей серьёзного врага. Массивные дубовые ворота, окованные железом по створкам и поперечинам, были уже закрыты на ночь. Два фонаря над створками ворот тускло осветили подъехавший фургон — свет у них был жирный, желтоватый, масляный, и от него в воздухе стоял лёгкий запах нагара. Из боковой калитки, скрипнув петлями, показалась сонная рожа охранника в потертом кожаном шлеме, надвинутом почти на брови.

— Открывай, служивый, не заставляй ждать! — заорал Хинк, не дожидаясь, пока охранник сообразит, кто мы такие. — Есть хочется! И пить хочется! И спать! И всё сразу!

Охранник, кряхтя и громко сморкаясь на ходу — мимо калитки, в придорожную пыль, что было знаком не самого высокого класса заведения — закрыл за собой калитку и начал открывать ворота. Ворота поддавались со скрипом и недовольным стоном, как будто тоже не хотели пускать гостей в этот час.

Мы поставили фургон слева от входной двери таверны, под навесом, на земляной площадке, посыпанной свежей со-

ломой. Дали пару медяков шустрому конюху — мальчишке лет четырнадцати, в длинной, до колен, рубахе и босиком — который уже занялся лошадьми: снял упряжь, отвёл меринов к водопою, заложил им овса. Я коротко проверил морозильный ларь — амулет держал температуру, судя по инею на внутреннних стенках, — и только после этого поднялся по широким ступеням в таверну.

С правой стороны, у коновязи, были привязаны четыре коня хейронской породы — высокие, гнедые, с тонкими ногами и длинными шеями; седла и уздечки на них были явно военного образца, с медными бляхами гильдейского клейма. Дальше, под навесом, стояла небольшая двухместная карета, тоже запряжённая двумя быстроходными хейронскими лошадьми. Карета была без герба, но обшивка у неё была дорогая — тёмно-вишнёвая, с золотым шитьём по краям, и занавески на окнах из тонкого шелка. Я отметил про себя: либо кто-то из мелкой знати едет инкогнито, либо кто-то из крупных купцов хочет сойти за знать. Оба варианта не сулили нам ничего хорошего: и те, и другие на Сумрачном тракте — лишние глаза и лишние уши.

Я последним зашёл в зал таверны, закрыл дверь и огляделся.

Глава 4

Зал был невелик — на десять шестиместных дубовых столов, с двумя лавками возле каждого. Столешницы темнели от жира и времени; древесина уже давно перестала блестеть, но сохранила ту тяжёлую, усталую гладкость, что бывает только у дерева, которое десятилетиями терли локтями, рукавами и чужими судьбами. Напротив входной двери стояла длинная стойка — из того же дуба, но уже вытертая до светлой желтизны, с трещиной поперёк, заложённой свежим пчелиным воском. За стойкой — хозяин: тощий, рыжеволосый, с привычно-скучающим взглядом. Тряпка в его руках была серой от многоразового употребления; он лениво водил ею по столешнице, словно стирал с доски чужие имена.

За спиной хозяина поднималась деревянная перегородка — резная, с виноградной лозой по краю, разделённая от зала тонкой полоской медного наконечника. Из-за неё прорывались запахи: сначала жареного кабана с тёртым чесноком, потом — горьковатый дух можжевельника и чёрного перца, и наконец — сладковатый, припечённый аромат капусты с тмином. Слева от стойки, в простенке, темнела низкая дверь в номера; по её косяку кто-то давно выцарапал крестик и три непонятные буквы.

Свет давали магические фонари — десятка полтора, не меньше. Они висели на цепочках разной длины и бросали

на столы мутно-янтарные круги, похожие на старые монеты. Половина фонарей не работала: в их матовых колбах темнели кристаллы-накопители, выгоревшие до чёрного, без единой искры. Оставшихся хватало ровно на то, чтобы разглядеть еду на тарелке и не разглядеть глаз собеседника.

Справа от входа, на резном табурете с вырезанной на сиденье розеткой, привалившись спиной к стене, сидел охранник. Тот же типаж, что и привратник у ворот, — только без шлема и в лёгкой кожаной броне с медными заклёпками. На коленях у него лежал короткий дубовый кистень без грузила: ремень свёрнут аккуратной петлёй, свинцовая гирька спрятана в поясной мешочек. Глаза его были полуприкрыты, но я заметил, как при моём входе они чуть разошлись по горизонтали — посчитали нас. Один. Два. Три. И снова сошлись.

Когда за мной закрылась дверь, над ней тоненько звякнул колокольчик — медный, с зелёной патиной. Хозяин встрепенулся, и тряпка на секунду замерла.

— Чего желаете, добрые люди? Вкусно поесть, выпить и поспать — всё это есть у нас! Присаживайтесь!

Он стукнул кулаком в перегородку — два раза, тяжело, как в барабан — и крикнул через плечо:

— Лисска, иди заказ принимай!

Мы сели к столу напротив двери, ведущей в номера: я — спиной к стене, лицом к залу; Рен — рядом, чтобы видеть стойку; Хинк — напротив, прикрывая тыл. Стул подо мной жалобно скрипнул — старый, с треснувшей царгой, перевя-

занный снизу свежей пеньковой верёвкой. Я снял перчатки, положил их на край стола и стал ждать.

Опять ничего нового. Та же пыль, та же еда, та же ложь. И только буква на двери — лишний раз напоминает, что иного дома у меня пока нет.

Из-за перегородки вышла Лисса. Я не сразу понял, что она — орочьей крови: невысокая, узкая в плечах, с тонкой, по-детски ещё не оформившейся фигурой. На ней было простенькое зелёное платье из шерсти, перехваченное на талии пеньковой верёвкой; на ногах — поношенные шлёпанцы из свиной кожи, с подкладкой из берёсты. Волосы — чёрные, жесткие — были заплетены в аккуратную косичку, и на конце её висела медная застёжка: дешёвая, литая, с отбитым краем. Под глазами у неё лежали две тёмные тени — не от усталости, а от сдержанности; так смотрят люди, давно научившиеся молчать.

Она быстро подошла к нашему столу — и тут я увидел ауру.

Я не собирался её смотреть — просто машинально опустил внутреннее зрение на полградуса, как делал всегда при встрече с незнакомцем. И замер. Аура у девочки была — густая, изумрудная, с прожилками медного огня, как раскалённая проволока внутри зелёного стекла. Цвет — насыщенный, плотный, какого не бывает у простых деревенских ведьм. Такую ауру я видел дважды в жизни — и оба раза у боевых магов второго ранга.

Пока она принимала заказ у брата, я держал лицо. Рен, ничего не подозревая, заказал мясо жареного кабана с печёным луком, отварную курицу с корнеплодами, солёные грузди в капустном рассоле, жареную речную рыбу с тёртым хреном и три кружки тёмного. Хинк, гурман, попросил к рыбе — к пиву — сушёную воблу и отдельную порцию горчицы. Лисса кивала, не записывая; память у неё была, видно, короткая, но цепкая. Когда брат закончил, я чуть наклонился к ней и тихо, чтобы не слышал хозяин за стойкой, спросил:

— Лисса, ты знаешь, что обладаешь магическим даром?

Она вздрогнула. Поднос в её руках дрогнул — и тут же застыл. Она низко наклонила голову и прошептала, не поднимая глаз:

— Господин, не говорите, пожалуйста, хозяину. Он не любит магию и всё, что с ней связано, и сразу выгонит меня на улицу. Я с большим трудом устроилась на место подавальщицы, и только всё стало налаживаться.

В её глазах заблестели слёзы — мелкие, злые, не от жалости к себе, а от привычного, застарелого страха. Она быстро сморгнула их и продолжила, по-прежнему не поднимая головы:

— Знаю, что у меня дар. Но, кроме огненного шара и ледяного копья, ничего не могу. Это всё, чему смог меня научить отец.

— Пусть будет, по-твоему, — сказал я как можно мягче. — Но у меня к тебе предложение: как освободишься, найди

меня — нужно поговорить. Хорошо?

Она кивнула — коротко, без лишних движений — и, не оборачиваясь, ушла на кухню. Брат удивлённо посмотрел на меня и через стол спросил:

— Зачем она тебе?

— Не мне, а нам, — поправил я. — Наше счастье, что по этому тракту совсем нет движения, так — единичные караваны. Если бы хоть один маг увидел Лиссу, её бы уже здесь не было. У неё аура, судя по насыщенности цвета, как у боевого мага минимум второго ранга. Не забывай, что скоро я стану магом, получу титул шевалье и приложу все силы, чтобы создать свой домен. А здесь почти готовый боевой маг работает простым разносчиком пищи. В общем, сначала поговорю с ней и постараюсь убедить её присоединиться к нам, а потом и с хозяином таверны, если это потребуется.

Подумать только — два дня назад я был пьяницей, которого вышвырнули из гильдии. А сегодня у меня в отряде кузнец, алхимик и, возможно, боевая орчанка. Это уже не отряд. Это — зародыш домена. Пусть крошечный, пусть жалкий — но зародыш.

Хинк посмотрел на меня — серьёзно, без обычной своей ухмылки — и негромко сказал:

— Орис, если что — я первый дам клятву верности и готов хоть сейчас принять вассальную присягу.

— Хинк, с удовольствием приму тебя на службу, — кивнул я. — Но сначала давай дождёмся моего вступления в ти-

тул.

Пока мы говорили, Лисса принесла поднос — старый, ду-
бовый, с выщербленным краем. На нём стояли три огромные
глиняные кружки пива, запотевшие от холода; рядом — де-
ревянная доска с вяленой рыбой, присыпанной крупной се-
рой солью. Пиво было тёмное, почти чёрное, с кремовой пе-
ной в два пальца; от него поднимался хлебный, чуть кисло-
ватый дух.

— Пока утолите жажду, еду принесу через десять минут,
она подогревается, — сказала девушка. — Кружки держите
за донышко, у одной ручка слабая.

Она развернулась — и, бросив на меня короткий, внима-
тельно-ищущий взгляд, пошла на кухню. Я проводил её гла-
зами. Поступь — тяжёлая, орочья, без единого лишнего дви-
жения. Профессионал, подумал я, сам не свой от удивления.
Настоящий профессионал, зарытый в эту таверну, как кли-
нок в солому.

Пока мы пили пиво — медленно, глотками, — из арки,
соединяющей номера и зал, вошли четверо мужчин. Я заме-
тил их прежде, чем они вышли на свет: тень от косяка лег-
ла на стену раньше, чем силуэт. Трое — наёмники, в лёгких
кожаных доспехах с наплечниками из буйволового кожи, в
шлемах с короткими назатыльниками. У каждого на поясе —
короткий меч в простых ножнах, окованных латунию; на ру-
коятках — обмотка из пеньковой верёвки, дешёвая и надёж-
ная. Четвёртый — маг, в синей дорожной мантии из плот-

ного сукна, с капюшоном, отброшенным на спину; в левой руке — посох из чёрного ореха, с медным навершием, прикрытым маленьким колпачком на шарнире. Я отметил колпачок: профессионал прятал источник до момента, пока не понадобится.

Они внимательно осмотрели зал — каждый по своему сектору, без суеты — и сели в дальнем от нас углу у окна. Стол они выбрали так, чтобы окно было за спиной, а выход — в поле зрения. Я мысленно оценил: грамотно.

— Хозяин! — громко крикнул один из наёмников, широкоплечий, мордатый, с чёрными волосами, стриженными очень коротко. На его левой брови лежал старый шрам — белый, рваный. — Прими заказ! Я не люблю долго ждать! Да, сам не подходи, пришли к нам девку-повара — у меня к ней предложение, надеюсь, не откажется. Гы-гы-гы.

Мы переглянулись. Кажется, вечер перестаёт быть спокойным и может оказаться очень даже весёлым.

Рен молча снял с пояса свой малый боевой молот — с которым никогда не расставался — и положил рядом с собой на лавку. Молот был из тех, что куют в северных горнах: короткая рукоять из орехового дерева, голова из булата с шероховатой насечкой по обуху, кожаный темляк на конце — чтобы в рукопашной не выскользнул из окровавленной ладони. Весу в нём было — три фунта с небольшим, но Рен держал его, как перо.

Хинк, не торопясь, открыл свою необъятную сумку трав-

ника — тёмно-коричневую, из воловьей кожи, с восемью внешними ячейками, каждая из которых была затянута ремешком с медной пряжкой. Из глубины сумки он извлёк дамерский кинжал-заточку. Клинок — узкий, в два пальца шириной, с долом по центру; по одной из граней вытравлена кислотой руна «малый паралич» — знаки были неглубокие, но ровные, заполненные чёрной патиной. Рукоять — из чёрного рога оленя, с медной обоймицей у пяты и шершавой насечкой по животу, чтобы не вертеть в ладони. Ножны — простые, деревянные, обтянуты потёртым бархатом. Хинк положил кинжал на колено, рукоятью к себе, лезвием от тела — тоже профессионально.

Я подготовил самое слабое заклинание — «малую заморозку». Она практически не потребляет ману: на исходе формируется едва заметный иней, который ложится на кожу противника и тут же тает, впитываясь в поры. Разрушений от неё почти никаких, разве что лёгкий озноб да замедленная реакция; но в таверне, в тесноте, против пьяного наёмника — более чем достаточно. Я щёлкнул большим пальцем о средний — привычный жест сборки — и почувствовал, как формула встала на место, лёгкая и тёплая, как монетка в ладони.

Мы спокойно пили пиво, ожидая свой заказ. Вобла на доске подсохла, соль на ней побелела. Хинк аккуратно отделил хребтовую кость и стал макать мякоть в горчицу — в крошечной глиняной плошке с отбитым краем.

Наконец к нам подошла Лисса и поставила поднос с заказом на стол. Поднос был тот же — выщербленный, с потёками жира. На нём — три глиняных миски: в одной дымилось жаркое из кабана, с тёмной подливкой и кубиками печёной репы; в другой — отварная курица, разрезанная на четыре части, с укропом и распаренным луком; в третьей — солёные грузди в рассоле, посыпанные чёрным перцем. На отдельной деревянной дощечке лежала жареная рыба — речная щука, с поджаристой корочкой и кусочком лимона, привезённого, видимо, из далёких южных краёв. Запах от рыбы шёл свежий, чуть кисловатый.

Я сразу расплатился за ужин — тремя серебряными и медяком на чай — и тихо, не поднимая голоса, сказал:

— Лисса, не беспокойся — если что, обидеть не дам.

— Не беспокойтесь, господин, я сама разберусь, — ответила она без тени бравады. Просто — как факт.

И она уверенной походкой — той же тяжёлой, без единого лишнего движения — направилась принимать заказ у наёмников. Подойдя к их столу, остановилась напротив чернявого мордоворота.

— Детка, принимай у нас заказ побыстрее, — сказал он, откинувшись на спинку стула. — А после ужина я буду ждать тебя в своём номере — что нужно будет делать, я тебе расскажу, и...

Он не успел договорить. Лисса прервала его — ровно, без вызова, как хозяйка прерывает не в меру разговорившегося

гостя:

— Не говорите мне, что делать, и я не скажу, куда вам идти. Заказ делать будем?

Спутники мордатога заржали, как кони — открыто, от души; один даже стукнул кружкой по столу. Маг ехидно произнёс, не поворачивая головы:

— Ну что, Илон, опять она тебя уделала — и как вежливо, не придерёшься. Кстати, с вас по серебрушке — вы опять проиграли. А ты, Илон, не вздумай снова устроить здесь драку, лишу половины заработка!

— Да здесь и драться-то не с кем, лэр Торин, — обиженно прогудел басом Илон, и уже обращаясь к Лиссе: — Ладно, красотка, принимай заказ.

Мы спокойно поужинали. Жаркое оказалось на удивление хорошим — мясо таяло во рту, подлива была наваристой. Курица — чуть пересолена, но съедобна; рыба — отличная, с хрустящей кожицей. Хинк, расчувствовавшись, заказал ещё по кружке пива. Я отодвинул пустую миску, промокнул губы холщовой салфеткой и стал наблюдать за залом — теперь уже не пряча взгляда.

У Хинка оказалась довольно подробная карта Чёрного леса — вычерченная от руки на тонкой пергаментной бумаге, с нанесёнными пиктограммами древних родовых склепов и поселений. Чернила — коричневые, дубовые; подписи — мелким уставным почерком, с пометками о годах и количестве пустых дворов. Мы так увлеклись разговором, что не

сразу заметили Лиссу, которая стояла у нашего стола, слушая нас и не решаясь прервать.

— Присоединяйся к нам, Лисса, есть разговор и серьёзный, — сказал я и жестом пригласил девушку присесть напротив меня.

Она помедлила — секунду, не больше — и села на край лавки, готовая вскочить в любой момент. Я отметил эту привычку: человек, привыкший к удару в спину.

— Ты же понимаешь, что здесь будешь работать до первого мага. Он в лучшем случае предложит тебе обучение в гильдии магов с последующей отработкой лет двадцать. Или просто выкупит тебя у хозяина таверны — за десяток золотых, и будешь ты работать для него до конца дней. Я же тебе предлагаю присоединиться к нашему небольшому отряду — пока в качестве повара. А в будущем, когда обучу тебя основам боевой магии и после того, как принесёшь мне клятву верности, помогу прокачаться до пятого круга обучения, и со временем будешь в нашем домене боевым магом. Сразу скажу: титул мне ещё нужно получить, но это недолго — месяц или два. Едем мы в провинцию Таир, и на первых порах остановимся в Тэмриле — это приморский город, если не знаешь. Так вот, там, после набега пиратов, который был лет сорок назад, ещё полно брошенных поселений и крепостей, которые можно выкупить, пока ещё не очень дорого.

Лисса слушала, не перебивая. Я видел, как у неё в глазах сначала загорелась надежда — и тут же сменилась недовери-

ем. Привычка человека, которому давно не делали добрых предложений без подвоха.

— Я согласна, — наконец сказала она — быстро, как будто боялась передумать. — Честно говоря, уже стала надоедать эта таверна — денег хозяин мне не платит. Узнал, что я сирота, предложил работу за еду и жильё. Да ещё и наёмники в последнее время стали нагнать. Конечно, мне не трудно от них отбиться, но показывать свой дар не хочется.

— Мне надо поговорить с хозяином таверны? — спросил я, допивая тёмное пиво.

— Нет, справлюсь сама, — Лисса поднялась из-за стола, внимательно посмотрела на меня и поинтересовалась: — Отправляемся сразу после завтрака?

Я утвердительно кивнул. Она пошла к хозяину — к той же стойке, за которой он стоял, внимательно наблюдая за нами. Хозяин с недовольным видом послушал девушку — я видел, как у него дёрнулся уголок рта — и кивнул. А затем, громко, чтобы мы слышали, крикнул ей вслед:

— Забирай свои вещи и вали из таверны, неблагодарная! Сегодня на улице заночуешь!

Я встал из-за стола и хотел подойти — но девушка, увидев это, остановила меня коротким жестом: ладонь раскрытой, пальцы вниз. «Не надо. Я сама».

— Я сейчас возьму вещи и подойду к вам, это не займёт и пяти минут, — сказала она. — Если у вас есть место в повозке — может быть, позвольте в ней заночевать?

В это время послышалась возня в углу у окна — и мимо нас, слегка покачиваясь, прошёл мордovorот-наёмник к стойке, за которой стояли хозяин и Лисса. Левую руку он положил на столешницу стойки — тяжело, как ставят кувшин; а правую, как бы случайно, положил на бедро орчанки. И пьяно ухмыляясь, заявил:

— Зачем ночевать в повозке — идём ко мне в комнату, не пожалеешь. Гы-гы.

Закончить свою мысль ему не дал хлёсткий, практически невидимый удар локтем — Лисса въехала ему в верхнюю часть живота, чуть ниже солнечного сплетения. Удар был выверен до миллиметра. Илон согнулся пополам. Голова его, продолжая по инерции движение тела, с громким сухим треском впечаталась лбом в дубовую столешницу — так, что подскочила и звякнула пустая кружка, оставленная кем-то на краю. Кровь брызнула тонкой струйкой из рассечённой брови — и тут же, на глазах, начала замедляться. Илон медленно сполз на не очень чистый пол таверны и притих.

Но ненадолго. Я заметил, как у него на груди, под кожаным нагрудником, мелькнул тускло-красный отблеск — амулет малого лечения, тёмный рубин в латунной оправе, активировался сам, по старому порогу боли. Рана на брови затянулась в несколько секунд; Илон поднялся на ноги — медленно, опираясь о стойку, — и, глядя на Лиссу, стал так же медленно доставать короткий меч из простых кожаных ножен. Клинок вышел с лёгким шорохом — смазан был, види-

мо, недавно и содержался в порядке. Глаза наёмника помутнели от злобы, и он ледяным голосом произнёс:

— Молись своим зелёным богам, тебе не жить! А ты, дерьмо бешеной собаки, — он кивнул в сторону побледневшего хозяина таверны, — готовь пять монет золотом за оскорбление твоим работником подданного Хейронского королевства, на службе!

Я не стал вставать с места. Поднял руку — медленно, открытой ладонью, жестом мира — и ровно, без вызова, заметил:

— Любезный, хочу отметить, что девушка уже как пять минут не работает в этом заведении, и Вы это прекрасно слышали — это раз. Два — где Ваш знак, показывающий принадлежность к какой-либо службе королевства Хейрон? И, наконец, все мы — свидетели Вашего непристойного поведения. А в завершение нашего разговора хочу напомнить о законах нашего баронства: если Вас не предупреждали, то запрещается обнажать оружие в общественных местах — будь то таверны, рынки, храмы и так далее. Наказание — месяц каторжных работ в рудниках Серых Земель. Впрочем, это не касается дворян и лэров-магов. Вы — дворянин?

В это время из-за стола у окна поднялся маг — Торин. Он неспешно, по-хозяйски, бросил две серебрушки на стол — они легли ровно, ребром к ребру — и пошёл к коридору, ведущему в номера. На ходу, не поворачивая головы, тихо сказал:

— Илон, ты оштрафован. По возвращении в замок доложишь сотнику, что я выписал тебе ещё и десять плетей. Всем — подняться в комнаты, спать. Завтра рано отправляемся.

Следом за магом быстро пошли два наёмника — оба с укором посматривая на вдруг присмирившего товарища. Но после того, как они скрылись в коридоре, громила наклонился к нашему столу и прошептал так, чтобы могли слышать только мы:

— С вами не прощаюсь. Услышал, что вы едете в провинцию Таир — я там часто бываю. А может, ещё и в Хейроне встретимся — всё равно не проедете мимо, это самый короткий путь.

Затем резко вложил меч в ножны — с лёгким лязгом — и неровным шагом направился за своими приятелями. У двери в коридор он обернулся, посмотрел на меня долгим, тусклым взглядом — и скрылся.

Я подошёл к владельцу таверны, расплатился с ним за ужин и оплатил ещё одну комнату — о чём и сказал Лиссе. Она благодарно кивнула головой и, сказав, что встретимся за завтраком, побежала собирать свои пожитки.

Илон — пешка. Глупая, злая пешка. Пешки не опасны до тех пор, пока не доходят до последней горизонтали. Илон доходит. Но Илон — не главное. Главное — Торин.

Через минуту из коридора вышел маг — один. Увидев меня у стойки, он остановился. Свет от ближнего фонаря падал за его спиной, и лицо оставалось в тени — намеренно,

я это видел по тому, как он чуть подался вперёд, чтобы свет обтекал его плечо и ложился на стойку, а не на скулы. Профессионал. Спокойно, с лёгким оттенком любопытства, он произнёс:

— Молодой человек, я заметил, что Вы не просто наблюдатель. Ваша девица владеет приёмом, которому обучают лишь в боевой школе Хейрона. Это интересно. Я не Илон — я не лезу в чужие дела, но советую: держитесь подальше от Сумрачного тракта. Нынче по нему ходят не только наёмники.

— Спасибо за заботу, лэр, — ответил я как можно более ровно. — Мы постараемся.

Маг чуть наклонил голову — коротко и ушёл.

Профессионал и хитёр. Но что-то он слишком уж много видел. Это плохо. Очень плохо. Человек, который слишком много видит, обычно слишком много и рассказывает. А тот, кто слишком много рассказывает, обычно слишком рано умирает. Или — слишком поздно.

Я постоял ещё немного у стойки, глядя ему вслед, и поднялся в номер. Между лопаток у меня холодело — привычное, знакомое чувство. Предчувствие беды.

В номере, который снял брат, было тесно. Три кровати, расставленные буквой «П», с ворсистыми шерстяными одеялами в серо-зелёную полоску. Тумбочка у окна — с треснувшим кувшином и фаянсовой миской, в которой плавал одинокий листочек мяты. Единственное окно — с мутным

отсыревшим стеклом, за которым чернели еловые лапы. На стене — старый гобелен, выцветший до неразличимости: кажется, охота на оленя, а может, просто пятно от сырости. Но для ночёвки — вполне достаточно.

Я активировал охранный амулет. Он представлял собой круглую бронзовую пластину в ладонь шириной, с выгравированной по центру руной — знаки были неглубокие, заполненные чёрной патиной. По краям, в трёх точках, виднелись три капли засохшей крови — моя кровь, активатор, нанесённый ещё полгода назад. Я дунул на пластину — слабо, чтобы не разбудить братьев — и положил её на пол у порога. Пластина на миг нагрелась; по её краям пробежало бледно-голубое свечение, тонкое, как паутина, и тут же погасло. Круг был поставлен.

Рядом с кроватью я положил свой полуторный меч. Клинок — в три пальцев шириной, с долами по обеим сторонам, из серого дамаска с едва заметной волнистостью. Гарда — в виде крестовины, с загнутыми к лезвию концами, каждая загнутая долька отлита из бронзы. Рукоять обмотана тёмным кожаным шнуром, плотно, виток к витку; темляк — из чёрного шёлка, с медным кольцом на конце. Ножны — деревянные, обтянуты чёрной кожей, с медным устьем и наконечником. Я не раздевался — только стянул сапоги и положил их рядом. Брат, не оборачиваясь, тихо спросил:

— Думаешь, полезут?

— Не сегодня. Но утром, в первых лучах — точно. Илон

— пешка. Маг — другой разговор. Я чувствую его ауру, она холодная и расчётливая. Этому человеку мало отчаянной пьяной выходки Илона, чтобы решиться.

— Что будем делать?

— Я поставил малый сигнальный круг вокруг фургона и коней. Если кто прикоснётся — узнаю. А утром — выйдем первыми, возьмём коней и встретим их на тракте. Не в таверне же рубиться — тут и охранник, и хозяин, и девка-орка, которая может перепутать, в кого кидать ледяное копье.

— Договорились, — кивнул Рен и закрыл глаза.

Хинк сопел на своей кровати, не вмешиваясь. На тумбочке у него были разложены зелья — все до одного аккуратно укупоренные восковыми пробками, с маленькими медными бирками на горлышках. Два больших восстановления — в склянках из тёмного янтаря, с маслянистой жидкостью цвета крепкого чая. Одно зелье среднего паралича — в белой фаянсовой бутылочке, с бледно-зелёной жидкостью, чуть светящейся в темноте. И запас настойки для сна — в обычной стеклянной фляге, молочно-белой, с лёгким осадком на дне. На случай, если кому-то из нас понадобится глубокий и быстрый отдых.

Я лежал, глядя в потолок, и думал о том, как странно устроен этот мир. Вчера я был просто пьянчужкой, исключённым из гильдии. Сегодня — командиром маленького отряда, в составе которого кузнец, алхимик и боевая орчанка. Завтра — кто знает? Может быть, у нас будет собствен-

ный домен у моря. Богам, видимо, тоже свойственно чувство иронии.

Рано утром, ещё до того, как хозяин таверны открыл кухню, мы были уже на ногах. Лисса пришла, как и обещала, с маленькой кожаной сумкой — всё её имущество. Сумка была старая, тёмно-коричневая, с перетёртым плечевым ремнём; в ней, как я потом узнал, лежали: сменное бельё, грубое полотенце, точильный камень, огниво, медная ложка и деревянная фигурка волка — единственное, что осталось от отца. Я коротко объяснил ей план:

— Выезжаем первыми. Через полчаса — тракт, место с каменным валуном слева. Идеальное для засады. Они нас там будут ждать. Мы сделаем вид, что не заметили. Я — в истинном зрении, сканирую. Брат — на козлах, держит вожжи, но в левой руке — молот. Хинк — в фургоне, кинжал и зелье паралича в быстром доступе. Лисса — рядом со мной, на козлах. Едешь между мной и братом, чтобы они видели тебя и не стреляли в мага. Я — слежу за аурами. Как только маг начнёт активироваться — действуем по обстановке.

Лисса кивнула. Без лишних слов, без нервов. Боевая орчанка из племени Серебряный Волк — что бы ни случилось, она не дрогнет.

Я достал из сумки усиленный амулет защиты — небольшой, круглый, в три пальца диаметром. Между двух бронзовых пластин, спаянных по краю, был вставлен кристалл — голубоватый, тускло мерцающий, с тремя крупными сереб-

ра внутри. Три заряда — на три серьёзных удара. Я протянул его Лиссе.

— Возьми. Амулет защиты — на три серьёзных удара. Не пытайся сама колдовать, пока я не скажу. У мага уровень — не ниже второго ранга. Ты с двумя заклинаниями — это лишь мишень.

Лисса повесила амулет на шею — поверх платья, без стеснения, как носят обереги. Поправила косичку. И тихо ответила:

— Поняла. Я — повар. Они меня и не должны заметить, как мага.

— Вот и умница, — улыбнулся я. — Если всё пройдёт хорошо — к вечеру будем в Тэмриле.

Брат вывел коней, запряжённых в фургон, из-под навеса. Конюх, всё тот же вчерашний охранник, не спал. Он стоял у стены, провожая нас сонным, но внимательным взглядом. Я заметил, как он шевельнул губами — словно считая нас: одного, двух, трёх, четверых — и потом отвернулся. Я взял у брата вожжи:

— Я правлю. Садитесь.

Фургон тронулся. Ворота были открыты — охранник не стал их закрывать; видимо, ему дали соответствующее распоряжение. Сумрачный тракт лежал впереди, прямой, как стрела, в предраассветной серой мгле. Чёрные ели по бокам стояли как стражи — безмолвные, равнодушные к тому, что должно было сейчас произойти. Их нижние ветви почти ка-

сались земли, и на них лежала роса — мелкая, серебристая, ещё не тронутая солнцем.

Глава 5

Утро выдалось из тех, что особо не запоминается — ясное, тихое, с привкусом смолы и росы на губах. Кони бодро тянули огромный фургон по Сумрачному тракту, и брату даже не надо было их подгонять: они тоже чуяли, что утром дорога всегда короче, чем вечером. Я сидел на козлах, свесив ноги, и смотрел, как тень от леса ползёт по камням — медленно, как пьяный барон по лестнице. Где-то позади, в повозке, похрапывал Хинк; впереди, на облучке, Рен правил лошадьми с тем особенным спокойствием, какое бывает только у людей, привыкших к длинным дорогам и коротким битвам.

Лисса сидела рядом со мной — молча, подобрав под себя ноги, и глядела на Чёрный лес так, словно вспоминала что-то грустное. Я хотел было расспросить её о прежней жизни — о племени, о степи, о том, как она вообще оказалась здесь, на тракте, с двумя чужими мужчинами и гоблином. Но, посмотрев на неё, понял: рано. Настоящие истории не выпытывают — их слушают, когда приходит срок. А срок приходит не от вопросов, а от молчания.

Поэтому я полез в поклажу, достал тетрадь и положил ей на колени. Тетрадь была потрёпанная, в тёмной кожаной обложке, с медной застёжкой в виде свернувшейся змеи — старая работа, ещё дамерская. Я переписал её когда-то с лекций

первого и второго круга Боевой Магии, и с тех пор таскал за собой через полконтинента, как таскают талисман: не потому, что веришь, а потому что рука привыкает. На пожелтевших страницах, аккуратным, чуть ребяческим почерком, были выведены элементарные руны — огненный шар, воздушный кулак, малый щит, всё то, с чего начинается путь любого мага, решившего, что меч — это слишком быстро и недостаточно больно.

— Изучай, — сказал я, не глядя на неё. — Первые два круга. К вечеру проверю.

Лисса кивнула, провела пальцем по медной змейке на застёжке — осторожно, будто та могла укусить, — и открыла тетрадь. К моему удивлению, она уже имела кое-какое представление о рунах: линии ложились коряво, как следы курицы на свежевспаханном поле, но получалось. Орочья кровь в ней, видимо, всё-таки сказывалась — или степная школа шаманов, у которой свой счёт к магии и свой язык для неё. Я не спрашивал.

Я смотрел, как её пальцы медленно выводят в воздухе первый контур воздушного кулака, и думал о том, что дороги — странная штука. Ты выходишь на рассвете, не зная, куда приведёт тебя к закату. Иногда — в таверну, иногда — в засаду, иногда — в могилу. Но всегда — куда-то, где ты уже не тот, кем был утром. В этом, наверное, и есть весь секрет пути.

Хинк забрался в фургон и спал теперь, лёжа на боку меж-

ду двумя перевязанными тюками, слегка похрапывая — тонко, как скрипичная струна, которую дёргают во сне. Маленький гоблин в большой повозке — зрелище почти трогательное, если бы не знал, что этот же самый гоблин каких-то пять часов назад варил зелье, способное развалить небольшую провинцию. У его ног, на откидном столике, стоял медный тигель с присохшей к стенкам синеватой коркой; рядом, в деревянном баульчике, ровными рядами лежали одиннадцать больших стеклянных флаконов — тёмно-зелёное стекло, свинцовые пробки, печать из чёрного воска с оттиском пальца самого Хинка. Гоблин не доверял чужим пальцам.

Алхимический столик был складным, на изящных медных ножках, а на дубовой столешнице тускло поблескивали выгравированные руны удержания — словно застывшие нити силы, не дающие зельям вырваться наружу. Я купил его у Урсула: тот, вне себя от радости изза того, что мы уладили дело с его племянником и теперь стали компаньонами, сделал огромную скидку. Столик стоил пятнадцать золотых, а ушёл за три.

Хинк, увидев его, расплакался — так плачут старики, когда перед ними вдруг встаёт родственник, которого годами считали мёртвым. Он провёл ладонью по дереву, будто проверяя, не сон ли это, и задержал пальцы на выжженной надписи: «Воля — закон для стихии». Древний девиз алхимиков, ставший для него чемто вроде маленькой литургии, почти молитвы. Каждый раз, зажигая спиртовку, Хинк тихо

повторял эти слова, словно скрепляя ими предстоящее действие. Перед тем как заснуть, Хинк сказал мне — голосом почти трезвым, что случалось с ним редко: в большом флаконе — двадцать приёмов. Эффект от одного приёма — минус тридцать лет. Полное физическое восстановление организма, регенерация магических каналов у магов, выжженных при огромных перегрузках. Он помолчал, добавил: «Молодильный гриб — штука капризная. Переборщишь с травой — и станешь младенцем. Недольешь масла — умрёшь в муках. А если всё сделать как надо — получишь ещё одну жизнь. Кому-то — третью. Кому-то — первую.»

Я задумался. Одиннадцать флаконов. Двести двадцать приёмов. Шесть тысяч лет жизни, если вообще ничего не жалеть — или одиннадцать новых жизней для одиннадцати уставших магов, которые уже было решили, что им нечего делать в этом мире, кроме как умирать. Это было огромное богатство. Не золото — золото таскают в сундуках, а сундуки вскрывают. Это была сила. Сила делать других людей должными тебе по гроб жизни — а долг, в нашем ремесле, дороже любого золота.

В провинции Таир, поближе к морю, я найду небольшое баронство — таких там полно, по дюжине на каждый занесённый песком берег. Выкуплю его у местного правителя вместе с баронским титулом. Построю дом на скале, чтобы видеть горизонт. Буду пить вино на террасе и слушать, как кричат чайки. Рен будет работать в кузнице — если захочет.

Хинк — варить свои яды, и никто не будет совать ему палки в колёса. А Лисса — Лисса будет учиться. И когда-нибудь, лет через десять, расскажет мне свою историю. Все мы начнём новую жизнь. Если, конечно, доживём.

Впереди, на козлах, Рен негромко запел — пастушью песню про девку и корову. Голос у него был хриплый, как необкатанное колесо, но мелодию он держал твердо. Лисса, не отрываясь от тетради, тихонько засмеялась. Хинк во сне перевернулся на другой бок и пробормотал что-то про тигель. Я смотрел на дорогу, и дорога смотрела на меня. Пока всё шло нормально. Но «пока» — слово опасное. Обычно оно значит ровно одно: «до тех пор, пока не перестанет».

Пока Рен управлял фургоном, Лисса прокачивала уже четвёртый уровень школы боевой магии — отправляла один магический «воздушный кулак» за другим в сторону Чёрного леса, целя в стволы. Удар выходил мягкий, бесшумный, но кора с чёрных елей опадала длинными лентами, ивовыми листьями падала в подлесок. Лисса сосредоточенно хмурилась, и я видел, как в её ауре — зелёной, чуть серебристой, как у всех орков её крови — медленно наливается цвет. Каждый удар — глоток силы. Каждый глоток — шаг ближе к пятому уровню.

Хинк спал. Я решил прокачать новую школу. Достал учебник древних «МАГИЧЕСКИЕ ИСКУССТВА» — толстый, в кожаной обложке чёрного цвета, с тиснёной серебром спи-

ралью на корешке.

Я открыл главу «Призыв существ». На странице была всего одна руна — простая, вытянутая, похожая на двойную молнию с разорванной серединой, — а справа от неё пиктограмма: летучая мышь. Крылья в полёте, маленький круг вместо головы. Я закрыл глаза, воспроизвёл руну в магическом зрении — это похоже на то, как если бы ты рисовал в темноте, мокрым пальцем, на стекле. Сперва ничего не выходило. Потом руна засветилась — фиолетовыми искрами, как срезанный корень лилового папоротника в полночь, — и я активировал заклинание.

Воздух в метре от меня чмокнул — как будто лопнул пузырь — и рядом появилась чёрная летучая мышь размером с почтового голубя. Она вяло помахивала чёрными кожистыми крыльями, что совсем не мешало ей держаться в воздухе. Большие красные глаза на плоской, похожей на жабью голове с широкой зубастой пастью смотрели на меня — и в этом взгляде не было ни страха, ни покорности, ничего, кроме тупого голода, который бывает только у призванных существ. В магическом зрении зверушка отображалась яркой зелёной точкой, как тлеющий фитиль — и от этой точки тонкой ниточкой тянулась линия к моему левому виску. Ментальная связь. Натянута, как струна на лютне шута, — и почти такая же тонкая.

В метрах сорока я увидел синий фон растения — какой-то полевой цветок, соцветие, похожее на синюю звезду, — и дал

мысленный приказ двигаться к нему. Приказ шёл по этой нити, как капля воды по паутине. Летучая мышь резко взмахнула крыльями и скрылась в Чёрном лесу. Через пару секунд зелёная точка зависла над синим фоном в поле моего магического зрения, и рядом появилась пиктограмма в виде глаза. Мысленно активировал её — и вскрикнул от неожиданности, так что Рен чуть не выпустил поводья.

Я видел небольшую поляну глазами летучей мыши. Та находилась на высоте метров пятнадцати, прямо над цветком, и картинка была чёткая, хоть и странно смещённая по цвету — синее уходило в фиолетовый, красное делалось рыжим, как ржавчина. Как всегда, решил поэкспериментировать: мысленно попробовал приблизить цветок, чтобы разглядеть его поближе. Получилось. Всё пространство перед глазами заняло соцветие растения — каждый лепесток, каждую тычинку, каждую каплю росы на рыльце. В ушах вдруг что-то захрустело — как будто кто-то медленно ломал сухую ветку в нескольких сантиметрах от виска. Сместив взгляд левее, увидел полевою чёрную мышь, которая грызла огромную еловую шишку, держа её в передних лапах, как белка.

Выйдя из магического зрения и отправив вызванное существо к фургону, я непроизвольно пару раз моргнул — и увидел, что на меня с интересом смотрят брат и Лисса. Рен, не отпуская поводьев, обернулся через плечо: «Чего вскрикнул?» — «Да так, — сказал я. — Узнал, что мыши тоже едят шишки.» Лисса улыбнулась. Я коротко рассказал, что про-

изошло, и свои ощущения. Похоже, мне не очень поверили — или не поняли, — а я не стал ничего доказывать. Может, так оно и лучше. Чужая магия — как чужая жена: чем меньше про неё рассказываешь, тем дольше служит.

Вскоре все вернулись к своим занятиям — Рен к лошадям, Лисса к тетради, Хинк к похрапыванию. А я решил отправить летучую мышь дальше, чтобы выяснить максимальное расстояние, на котором не прервётся связь с призванным существом. Этому меня не учили — и, как всем вещам, которым меня не учили, этому предстояло научиться самостоятельно, в полевых условиях, и, по возможности, без свидетелей.

Активировав зрение летучей мыши, я дал ей задание: кругами летать над повозкой, постепенно расширяя площадь обзора и высоту полёта. Мышь подчинилась — мгновенно, как послушный слуга, который давно ждёт приказа. Спиралью, виток за витком, она поднималась всё выше. Сначала я видел верхушки чёрных елей, потом — кроны целиком, потом — лес превратился в тёмное ворсистое одеяло, протянувшееся до горизонта.

На высоте метров триста дорога Сумрачного тракта превратилась в еле заметную прямую нить, разделяющую плотно Чёрного леса на две части. Если левая часть заканчивалась почти на горизонте и дальше зеленел обычный лес — светлый, рыжеватый, с проседью берёз и ясеней, — то правая уходила за горизонт, в дымку, и конца её не было видно.

Словно кто-то провёл по карте широким угольным карандашом и забыл стереть. Я нашёл на тонкой нити дороги точку фургона — крошечное тёмное пятнышко, ползущее с черепашьей скоростью — и стал приближать картинку. Было непривычно видеть себя со стороны: маленькая фигурка на козлах, рядом — Лисса с тетрадью на коленях, в кузове — тёмный бугор спящего Хинка. Это вам не в зеркало посмотреть. В зеркале ты видишь лицо. Сверху — спину.

Насмотревшись на фургон и наш отряд, я медленно перевёл взгляд на верхушки деревьев Чёрного леса и затем — к горизонту. Призванное существо безропотно подчинялось мне и следовало за моим взглядом, как послушный смычок за рукой скрипача. Где-то вдалеке — точно расстояние трудно было определить, потому что с такой высоты пропорции врут, как рыцарь после трёх кубков, — я увидел серое пятно. Приблизил.

Это была круглая башня, стоящая посреди древних руин — выломанного камня, засыпанных землёй и травой, остатков фундаментов, по которым можно было прочесть план здания, как по шрамам на лице ветерана. У башни были чёрные проёмы узких бойниц — четыре по сторонам света, два дополнительных по диагонали, — и конусообразная медная крыша, давно уже позеленевшая от времени и непогоды. Медь на крыше походила на чешую огромной рыбы, выброшенной на берег тысячи лет назад и не успевшей окончательно сгнить.

Я хотел рассмотреть поподробнее — но меня выкинуло из магического зрения, как пьяного из таверны. Резко, без предупреждения. Призванное существо вернулось в свой мир; его время в нашем мире закончилось. Нить оборвалась — и не осталось даже воспоминания о том, как это было. Просто темнота, потом обычные глаза, и легкая головная боль, как после недосыпанной ночи.

«Пятнадцать минут, — подумал я. — Очень неплохо для первого вызова. Скоро будет полчаса. Потом — час. Потом — сутки. А там, глядишь, и двое существ одновременно, и трое, и маленький зверинец у меня в кармане, готовый по первому зову выйти в мир и сделать то, что я прикажу. Вопрос только — что я прикажу. И кто я буду после того, как прикажу.»

Я достал карту Хинка — потёртый, в пятнах от вина и табака, пергаментный свиток, в углу которого мелким почерком гоблина было выведено: «Не верь масштабу». Ни одной отметки или подписи в области Чёрного леса не было — ну, кроме семи таверн на тракте, аккуратно обозначенных маленькими кружками с цифрами от одного до семи. Хинк помечал таверны, как другие люди помечают могилы родственников — тщательно, с любовью, и обязательно с датой последнего посещения.

Мне пришлось дважды призывать летучую мышь — и каждый раз я с удивлением отмечал, что это, кажется, разные зверушки, хотя одного вида. Первая была чуть крупнее, с за-

метным белым пятном на левом ухе. Вторая — меньше, темнее, и как-то нервнее. Третья вообще оказалась тёмно-синего цвета с жёлтыми глазами — как будто кто-то взял обычную мышь и опустил её в чернильницу. Я не знал, что это значит. Может быть, ничего. Может быть — что мы призываем не из одного мира, а из нескольких сразу, и в каждом из них мыши немного другие. Древние об этом не писали. Или писали, но страницы сгорели вместе с их библиотеками.

В итоге через час мне удалось нанести приблизительное место нахождения башни — маленький красный кружок, неровный, потому что чертил я его на колене, на ходу. А после десятого призыва летучей мыши я перешёл на второй уровень ученика этой школы, и на странице учебника появились две мерцающие руны — первая уже знакомая, вторая новая, более сложная, с двойным изломом. Я не стал пока её трогать — сперва нужно было довести до ума первую. В магии, как в еде: лучше пережевать малое, чем подавиться большим.

Решив немного отвлечься — у меня начинали болеть виски от магического зрения, как после долгого чтения при свече, — я повернулся к Лиссе и спросил, какой уровень она прокачивает.

— Уже пятый, — радостно сообщила девушка, направляя очередной «воздушный кулак» в огромную чёрную ель. Удар пришёлся в ствол на уровне моего роста, и кора разлетелась длинными щепками, оставив свежую рану — белую, влаж-

ную, пахнущую смолой. — Пятый, а скоро и шестой откроется.

Она обернулась ко мне — и в её тёмно-янтарных глазах мелькнуло то самое выражение, какое бывает у учеников, когда они только-только начали понимать, что учитель не всемогущ. Это опасный момент. Раз — и ученик либо становится мастером, либо навсегда остаётся дураком с амбициями.

— Скажи, Орис, — спросила она, откладывая руку с тетрадьёю на колено, — почему так мало заклинаний в школе боевой магии? Всего по два на каждую из стихий. Огонь и мороз. Воздух и земля. Вода и молния. Шесть пар, двенадцать заклинаний — и всё. На этом, получается, школа заканчивается?

Я улыбнулся. Хороший вопрос. Тот самый, который задают себе все молодые маги, когда впервые понимают, что их ремесло — не бесконечно.

— Потому, — ответил я, — что именно эти заклинания утвердили специально для обучения учеников на совете магов ещё лет триста назад. До этого каждый учитель учил, как умел — и каждый выпускник выходил в мир со своим набором заклинаний, иногда удачным, иногда — нет. Иногда — смертельным для него самого. За сто лет до Совета магов половина выпускников гибла от собственных заклинаний. После Совета — половина от трети. Считай — победа.

— А остальные? — Лисса чуть наклонила голову, и серебристые пряди в её чёрных волосах блеснули на солнце. —

Все остальные заклинания, которые существуют, — где они?

— По своему желанию, — сказал я, — маг приобретает их за свои денежки. В гильдии магов — если состоишь, и, если у тебя есть звание не ниже мастера. В магических лавках — если у тебя есть деньги и нет звания, но много удачи, потому что половина того, что там продают, — подделка, и ещё треть — с подвохом. А если сильно повезёт — то что-то можно найти в Дамерских руинах, или в родовых гробницах древних, или в карманах у магов, которых ты, скажем так, пережил.

Лисса усмехнулась, показав клыки — небольшие, но острые, как у молодого волка.

— А ты сам — где брал свои заклинания, Орис? — спросила она. — У тебя же не два, и не три, и не четыре. Я считала.

— Везде понемногу, — ответил я, глядя на дорогу. — Кое-где купил. Кое-где нашёл. Кое-где... — я сделал паузу, — обменял. В нашем деле, Лисса, нет одного источника. Есть много ручейков, и ты черпаешь из каждого, пока они не пересохли или ты не пересох. Главное правило — никогда не рассказывай, откуда у тебя что. И второе — никогда не продавай то, что нашёл сам. Отдай в подарок — или унеси с собой в могилу. Иначе рано или поздно кто-то придёт и попросит продиктовать, где ты взял.

Лисса кивнула — медленно, серьёзно, как кивают, когда слова приходят не в голову, а в кости.

— В моём племени, — сказала она, помолчав, — есть шаман, который знает двести заклинаний. Он никому их не передаёт. Когда умрёт — они умрут с ним. Все его проклинаят за это. Но все его боятся. Ибо пока он жив — племя живо. А когда умрёт — племя найдёт другого шамана. Может быть, лучше. Может быть, хуже. Но найдёт. Таков закон степи.

Я ничего не ответил. Двести заклинаний. На сто девяносто заклинаний больше, чем у меня. И при этом — он никому их не передаёт. Мудрость, или эгоизм? Может быть, и то, и другое — в равных долях, как вино и вода в кувшине, который подают гостю: никогда не знаешь заранее, где что.

Нас прервал брат, останавливая фургон.

— Орис, — сказал он тихо, не оборачиваясь. — Слева, в ста метрах от нас, за большим валуном — что-то мелькнуло. Может, олень. Может, нет.

Рен никогда не говорил «может, нет» просто так. Если он говорил «может, нет» — значит, не олень. Я кивнул, понимая. Предосторожность никогда не бывает лишней — особенно на тракте, который идёт через Чёрный лес, особенно в провинции, где закон начинается и заканчивается на кончике меча. Особенно — когда у тебя в повозке спит гоблин с одиннадцатью флаконами Молодильного гриба.

Я прикрыл глаза и активировал истинное зрение. Мир сразу потерял цвет — всё стало серым, как старая фотография, — но зато проступили ауры: живые, тёплые, разные. Слева от дороги, в ста метрах, за огромным гранитным ва-

луном, поросшим серым лишайником, я увидел три ауры — три тусклых красных пятна, как угли в потухшем костре. Ауры наёмников: тёмные, тяжёлые, с рваными краями. Такие ауры бывают у людей, которые привыкли убивать не задумываясь, и уже не помнят, когда убили в первый раз.

А с правой стороны от дороги, чуть дальше, в зарослях можжевельника, была четвёртая аура — и эта аура принадлежала магу. Я определил это сразу: по характерной структуре, по светлой полосе вдоль позвоночника, по мерцающему пятну на уровне солнечного сплетения, где у магов находится накопитель. Маг был слабый — первый, может быть, второй ранг. Но слабый маг с арбалетом в руках — это всё ещё маг. И это всё ещё проблема.

Я сообщил брату, что он не ошибся, разбудил Хинка — тот шарахнулся спросонья, выхватил кинжал, потом понял, в чём дело, и кивнул, как кивают люди, для которых засада — это не повод для беспокойства, а повод для работы. Дал защитный амулет Лиссе — небольшой, медный, на кожаном шнурке, с выгравированной руной отражения. Сказал всем активировать защиту — и Лисса, и Рен, и Хинк, не говоря ни слова, положили руки на амулеты, и я почувствовал, как воздух вокруг них стал чуть гуще, как бывает плотнее вода перед дождём.

Затем я призвал летучую зверушку — снова летучую мышь, маленькую, проворную — и направил её левее дороги, над кронами деревьев, к трём светящимся аурам. Мышь

летела бесшумно, как тень, как мысль о тени. Снизившись на десять метров, я увидел фигуры трёх наёмников: они стояли в небольшой ложбинке за валуном, вполголоса переговариваясь, и один из них — широкоплечий, с лицом, похожим на тесаный камень, — показался мне знакомым. Это был тот самый мордоворот из вчерашней таверны, который приставал к Лиссе и которому я, мягко говоря, намекнул, что лучше ему заняться другим делом. Видимо, намёк он не понял. Или понял — но иначе, чем я рассчитывал.

Я приблизил картинку — и услышал их разговор. Чётко, как если бы стоял рядом, за соседним кустом.

— Илон, — говорил один из наёмников, тощий, с жидкой бородёнкой и нервными руками, всё время теребивший рукоять кинжала на поясе. — Как ты думаешь, почему лэр Торин согласился на эту аферу? Он ведь сам нас инструктировал, чтобы мы не ввязывались ни в какие истории, и что у нас очень важное письмо. А сегодня утром — сам предложил наказать девку и всю эту компанию? Что-то тут нечисто.

Мордоворот — Илон, видимо, — сплюнул на мох и медленно, как будто размышляя вслух, ответил:

— Мне он сказал, — голос у него был низкий, как у ювелирной ступки, — что ему нужен только малец, который вчера очень много говорил. И сама девка, с которой я могу развлекаться до тех пор, пока мы не прибудем в столицу Хейрона. И он не подарит её в услужение своему родственнику — надеюсь, ты помнишь, кто его дядя! А деньги и всё, что в

фургоне, — наше! Так что заткнись и не умничай. Тебе что, мало денег?

— Деньги — деньги, — сказал тощий, — а девка — жаль. Такой товар пропадёт. Я бы тоже не отказался, прежде чем лэр её получит.

Он сдвинул на затылок кожаный шлем — старый, потёртый, с медной бляхой в виде кабаньей головы, — смахнул со лба мелкую мошку и достал из-за спины арбалет. Тяжёлый, с железным ложем, с натянутой тетивой, которая звенела тихо, как натянутая струна, готовая спеться с любой целью. На ложе была вырезана надпись, которую я не мог прочитать с такой высоты, но, судя по длине, это было имя.

Третий наёмник, до сих пор молчавший, — коренастый, с короткой шеей и татуировкой в виде змеи, обвивающей левое запястье, — злобно зашептал, не повышая голоса, но каждое его слово звучало как удар камня о камень:

— А ну, хватит трепаться, готовьтесь к бою. Ещё раз напоминаю, что сказал лэр Торин: парнишку и девку — оглушить. Гоблина и здоровяка — к тёмным богам, нам лишние свидетели не нужны! Парнишку продадим, девку — Илону, а потом и лэру. Поняли? Молча работаем, чисто. Через полчаса эта дорога должна быть пустой.

— Старшой, всё сделаем как надо, — бодро сказал Илон, оскалившись. Он достал арбалет, взвёл тетиву — с мягким, неприятным щелчком — и скрылся в густых зарослях ельника. За ним — тощий. Третий остался у валуна, наблюдая

за дорогой.

Я находился в полутора сотнях метров от них и видел всё как на ладони. Лэр Торин, значит. Дядя — барон. Курьерская служба Хейрона. Парнишка — это я, видимо. Здоровяк — Рен. Гоблин — Хинк. Девка — Лисса. Все роли расписаны, все участники назначены. Оставалось только одно — не согласиться с распределением. Я развеял заклинание призыва, поморгал, привыкая к обычному свету, и повернулся к отряду.

Я развернул фургон, достал из сундука усиленные амулеты защиты — четыре, в кожаных мешочках, — и раздал их: Рену, Лиссе, Хинку, и один оставил себе. Амулеты были старые из тёмного серебра с чернью, на цепочках из плетёной бронзы. Каждый весил четверть фунта и был холодным на ощупь — всегда холодным, даже в жару, даже у костра. Хинк говорил, что это потому, что они впитывают тепло из окружающего пространства, чтобы питать защитное поле. Я не знал, правда ли это. Но верил. Амулеты работали — и этого было достаточно.

— Наденьте, — сказал я. — Активируйте. И — Лисса, ты будешь сидеть между Реном и Хинком на козлах. Обнимите её так, чтобы со стороны казалось, будто вы все с утра перебрали. Будете петь. Что угодно. Песенку про пастушку-потаскушку, если вспомните. Цель — чтобы наёмники расслабились и вышли на дорогу открыто. — Я помолчал. — Без этого номера ничего не получится. Они должны увидеть пья-

ных идиотов. Не магов.

Рен кивнул. Хинк кивнул. Лисса, чуть побледнев, тоже кивнула — и я увидел, что у неё дрожат руки. Это нормально. Дрожат перед боем у всех. У кого не дрожат — те либо мертвы внутри, либо никогда не видели боя. Я предпочёл бы, чтобы мои спутники боялись. Страх — это компас. Главное — не позволять ему стать рулём.

Быстро рассказал, что требуется сделать каждому. Рен — поёт и обнимает Лиссу, правая рука занята, но в любой момент готова броситься на поводья и развернуть фургон. Хинк — то же самое, но в левой руке у него будет зелье паралича, замаскированное под флягу с вином. Лисса — сидит тихо, притворяется перепуганной девкой, что, в сущности, недалеко от правды. Я — сойду с фургона раньше, через заднюю дверь, проберусь к магу и нейтрализую его первым. Маг без прикрытия — это просто человек в халате. Маг с прикрытием — это проблема.

Затем я соскочил с козел фургона и скрылся в лесу, в тени чёрных елей. Осторожно, ориентируясь по ауре мага, — по тому самому тёплому пятну на уровне солнечного сплетения, которое у магов всегда ярче, чем у обычных людей, — добрался до зарослей можжевельника и остановился в трёх метрах позади него, за раскидистой елью. Маг стоял спиной ко мне, в чёрном плаще с капюшоном, и смотрел на дорогу, дожидаясь, когда появится фургон. В руках у него была короткая палочка — не жезл, просто палочка, вырезанная

из какого-то тёмного дерева, с медным набалдашником. Маленький инструмент для маленькой магии. Я почти его пожалел.

Достав свою дамерскую трубку — я создал плетение паралича. Плетение это похоже на тонкую паутину: ты не видишь его глазами, но чувствуешь, как оно ложится на цель, оборачивается вокруг рук, вокруг ног, вокруг горла, и замыкается на солнечном сплетении, в точке, где живёт воля. Маги волю чувствуют острее, чем другие. Поэтому паралич — особенно мучителен для них. Ты понимаешь, что произошло. Ты не можешь ничего сделать. Ты просто — больше не ты. На секунды, на минуты, на часы — но ты уже не ты.

Я активировал заклинание. Трубка в моей руке чуть нагрелась — обычное дело. Маг замер — сначала неестественно, как деревянная фигура, потом мягко осел, как пустой плащ. Услышав тихий удар тела о землю, я быстро подбежал к нему и надел ему на шею амулет безмолвия — узкий, в виде чёрного кольца, с внутренней стороны покрытый рунами, которые при контакте с кожей замыкали магический контур. Маг теперь не мог произнести ни слова, не мог сложить ни одного жеста, не мог активировать ни одного заклинания. Он был жив. Он был в сознании. Он был — бесполезен. Для мага это, наверное, страшнее смерти. Смерть — это конец. Бесполезность — это вечность.

Затем, прячась в тени колючего кустарника — шиповника, ещё не отцветшего, с белыми, чуть тронутыми ржавчи-

ной цветками, — я вышел почти к дороге и увидел напротив валун, за которым спрятались наёмники. Они были уже на местах: один за камнем, другой в ельнике, третий — где-то сбоку, в тени. Я подготовил плетение «Средняя заморозка» — более мощное, чем Малая, но всё ещё в пределах моего контроля, — и стал ждать. Ждать, когда на дорогу выедет фургон с поющим отрядом-ловушкой.

Через пять минут послышался мерный стук копыт и показался фургон. На козлах сидела тройца, которая весело распевала популярную в этих краях песенку про пастушку-потаскушку. Песенка была непристойная, длинная, и куплетов в ней было не меньше двадцати — у Рена была хорошая память на скабрёзности. Лисса сидела между братом и Хинком, которые обнимали её так плотно, что её совсем не было видно. Со стороны могло показаться, что компания с утра решила поправить здоровье кувшином вина, и всё снова перетекло в пьянку. Очевидно, так подумали и наёмники. Я видел, как мордорот Илон выглянул из-за камня, оскалился, махнул рукой товарищам — и они, не скрываясь и не спеша, вышли из тени огромного валуна, направив арбалеты в сторону поющей компании.

— Стоять! — крикнул Илон, и голос его был так же весел, как и его лицо. — Стоять, сукины дети! Бросай оружие, вылезай из повозки, и — клянусь честью — мы вас не тронем! — Он засмеялся. — Сразу.

Фургон остановился в пяти метрах от наёмников. Рен от-

пустил поводья, левой рукой продолжал обнимать Лиссу, а в правой держал кувшин — с настоящим пивом, на случай если кто-нибудь захочет проверить. Хинк, не переставая улыбаться, левой рукой держал флягу с зельем паралича, замаскированную под вино. Лисса сидела не шелохнувшись, с широко открытыми глазами. Игра у неё получалась лучше, чем я ожидал. Может быть, потому что она не играла. Она действительно боялась.

Я активировал плетение — и мир на мгновение замер. Замер для всех, кроме меня. «Средняя заморозка» — это не ледяная магия в простом смысле. Это остановка движения на уровне мелких частиц: кровь густеет, мышцы деревенеют, одежда становится хрупкой, как стекло. Сначала — невидимо, как капля росы в тени. Потом — с тихим, тонким, очень чистым стеклянным звоном, как будто где-то далеко разбили колокол. Три замороженных тела со звоном упали на каменные плиты тракта — мягко, как падают статуи, а не люди. Арбалеты так и остались в замерзших руках, пальцы на спусковых крючках, глаза — открытые, но уже ничего не видящие. Илон застыл с оскаленной улыбкой. Тощий — с полуобёрнутой головой. Третий — с поднятой рукой, как будто махал кому-то.

«Немного не рассчитал, — подумал я. — Надо было использовать Малую. Средняя — это уже не остановка, это уже урон, который не починить. Впрочем, они сами выбрали свою судьбу. И мне нужно было проверить новое заклинание

в боевой обстановке. Лучше так, чем в первый раз — на себе, или на ком-то, кого мне было бы жаль. Лисс, например. Или Рена. Они — не подопытные. А эти трое — были.»

Я вышел на дорогу тракта — спокойно, без спешки, засунув руки в карманы плаща. Меня встретило гробовое молчание. Только Лисса, тихо, выдохнула — длинно, прерывисто, как выдыхают после долгого бега.

— Что это было, брат? — спросил Рен, делая огромный глоток пива из кувшина, который держал в левой руке. — Что-то холодное. И быстрое.

— Да вот, не рассчитал силу заклинания, — пожал я плечами. — Надеюсь, вы не очень огорчились? Нет? Ну, тогда помогите мне перенести тело мага в фургон. Он — живой. Эти трое — нет. Маг мне нужен.

Теперь у Хинка глаза округлились до размера доньшка пивной кружки. Он хотел что-то спросить, открыл рот, закрыл, снова открыл, но я его опередил.

— Да, живой он, живой. Что я, зверь какой? — Я усмехнулся. — Просто лэр немножко парализован и пока не может двигаться. Ну и говорить тоже. Он нам ещё расскажет много интересного. Если, конечно, захочет. А если не захочет — расскажет ещё больше.

Рен и Хинк переглянулись. Хинк пожал плечами, слез с козел и пошёл со мной. Лисса осталась в фургоне, держа в руках защитный амулет, и я почувствовал, как за моей спиной она активирует его — запоздало, на автомате, как дела-

ют вещи, которым уже нет нужды.

Через пару минут мы перенесли мага и его вещи. Наемников отнесли подальше в лес, в густую тень молодых елей, где провели изъятие трофеев. Амулеты малой защиты — три штуки, медные, потёртые, низкого качества, едва живые, но в дороге пригодятся на запчасти. Двадцать золотых монет — хейронская чеканка, с профилем короля Сигмунда Третьего, тёмные от времени, но тяжёлые, как и положено золоту. Сорок серебряных монет — провинциальная чеканка, с гербом баронства, которого, кажется, уже не существует. Три коротких меча — рабочее оружие, ничего особенного, но острые, и ножны у них кожаные, добротные. И три походных сумки, которые мы пока не осматривали — отложили на вечер, когда будет время и спокойствие.

Арбалеты намертво примерзли к рукам. Я попробовал отодрать один — пальцы наёмника треснули с тихим, неприятным хрустом, как старая кость. Я перестал. Незачем. Арбалеты не стоят того, чтобы возиться с ними. Кони наёмников, привязанные где-то в чаще, испуганно ржали и дёргались, но не могли убежать — узлы были крепкие. Я одним ударом меча обрубил привязь и отпустил их. Пусть бегут. Может быть, найдут дорогу домой. Может быть, нет. Лошади — не свидетели. Лошади — это лошади. Им всё равно, кто на них ездит.

Вернувшись, разместились в фургоне и в полном молчании продолжили движение. Рен правил лошадьми так же

спокойно, как и раньше, — но я видел, что у него чуть дёргается веко. Хинк сидел рядом с магом, держа на коленях свой кинжал, и наблюдал за пленником, как кот наблюдает за мышью, которая ещё не поняла, что попалась. Лисса забралась в глубь фургона, прикрыла полог и тихо плакала — я слышал, но не стал подходить. Слезы после боя — это нормально. Это не слабость. Это способ тела избавиться от того, что разум не может переварить.

Через тридцать минут Хинк, который сидел в фургоне и контролировал состояние мага, сообщил, что тот приходит в себя, и что руки ему уже связал — крепко, кожаным ремнём, дополнительно зафиксировав узел простеньким заклинанием удержания. Я перебрался вглубь фургона и присел рядом с магом на низкую скамеечку. Полог был задёрнут, и в полумраке фургона — слабый свет пробивался только сквозь щель у пола — лицо мага казалось желтоватым, как старый пергамент. Он был ещё не стар: лет пятьдесят, может, чуть больше, с тонкими усами и короткой бородкой, подстриженной по моде хейронского двора. На правой щеке — старый шрам, тонкий, как нитка. На безымянном пальце левой руки — серебряный перстень с гербом, которого я не узнал.

Тот открыл глаза — и в его взгляде не было ни страха, ни покорности. Только холодная, расчётливая злость. Поняв, что притворяться уже не имеет смысла, и что на нём висит амулет безмолвия, который не даёт ему создать ни одного заклинания, он злобно, сквозь зубы, прохрипел:

— Немедленно освободите меня! У меня в сумке знак курьерской службы королевства Хейрона! — Он поднял голову, насколько мог, и посмотрел мне прямо в глаза. — Ты понимаешь, щенок, что все вы закончите свои жалкие жизни в лучшем случае на рудниках в Хейроне, или в океане на галерах? Я — лэр Торин Брок! Я — маг при дворе! Меня нельзя трогать!

Я молча смотрел на него. Подождал, пока он закончит. Потом, когда он уже начал задыхаться от собственного крика, спросил — мягко, почти дружелюбно:

— Вы всё сказали, лэр Торин? Или же мне попросить нашего лекаря дать Вам успокоительного зелья?

И посмотрел я на гоблина. Хинк всё понял правильно.

— Оно у меня всегда под рукой, — хищно улыбнулся Хинк и пару раз медленно провёл перед глазами мага лезвием своего кинжала. Кинжал был небольшой — с ладонь длиной, — но острый, как бритва, и на его тёмной, слегка голубоватой стали светилось плетение Малого паралича — тонкие, бегущие вдоль лезвия линии, похожие на морозные узоры на окне. Гоблин провёл лезвием перед глазами мага — медленно, нежно, как художник водит кистью по холсту.

Это немного отрезвило нашего пленника. Он побледнел ещё больше, и на лбу у него выступила испарина — мелкая, как роса на цветке. Маги, в общем-то, такие же люди. Они тоже боятся. Просто они боятся не того же, чего боятся остальные. Кинжал гоблина, с тёмной сталью и магическим

плетением — это страшно даже магу. Это не арбалет, не меч, не петля. Это — то, что может достать его даже сквозь защиту. И он это понял.

Немного успокоившись — насколько может успокоиться человек, в его положении, — он спросил, и голос его дрожал.

— Кто вы? Что вам нужно? Где наёмники, которые сопровождали меня? Вот уж я их накажу, так накажу — долго будут помнить! Да, и откуда вы узнали моё имя?

Я улыбнулся — открыто, как улыбаются старые знакомые.

— От наёмников и узнал, лэр маг. Они, видите ли, очень разговорчивы, когда думают, что их никто не слышит. Но вы их уже не сможете наказать. — Я сделал паузу. — А ещё я слышал, что вы хотели подарить Лиссу в услужение своему брату. Меня — продать в рабство. А Хинка и моего брата — просто убить, как свидетелей. — Я наклонился ближе. — А сейчас, если Вы не расскажете, ради чего пошли на это преступление, мне придётся сначала отдать вас моим друзьям. А если не получится и у них — Вас ждёт участь наёмников. Они, кстати, вон там, под елями. Замёрзли. С арбалетами в руках.

В фургоне повисла тишина — та особенная, густая тишина, какая бывает только в маленьких закрытых пространствах, где решается чья-то судьба. Снаружи стучали копыта, скрипели колёса, посвистывал ветер в еловых ветвях. Внутри — только дыхание четверых разумных и одного связанного мага. Я подождал, пока тишина станет совсем невыно-

симой, и тогда только кивнул:

— Можно мне шепнуть ему пару слов, — вдруг сказала Лисса, — не думаю, что после этого он будет отпираться.

Я посмотрел на неё. Она стояла в проёме полога, серьёзная, с дорожной сумкой в руках. Я кивнул — согласился.

Лисса присела рядом со мной на скамеечку, достала из своей дорожной сумки стеклянный алхимический флакон — продолговатый, с притёртой стеклянной пробкой, тёмно-зелёного стекла, в плетёной кожаной оплётке. Внутри флакона, в прозрачной, чуть желтоватой жидкости, плавала огромная мохнатая гусеница-сороконожка стального цвета — сантиметров пятнадцать в длину, толщиной в палец, с маленькими, быстродвигающимися ножками, и с двумя тёмными глазами-бусинами на крошечной голове. Гусеница была живая — и, кажется, недовольная. Она медленно, как будто ленись, передвигалась по стеклянным стенкам, оставляя на них тонкий, едва заметный след.

Лисса поднесла флакон к глазам мага — почти вплотную, так что тот мог разглядеть каждую ножку, каждый сегмент тела — и что-то прошептала ему на ухо. Я не слышал, что именно. Но маг побледнел так, что даже губы стали серыми, и порывисто отпрянул — насколько мог, будучи связанным.

— Нет! — крикнул он — крикнул так, как кричат не от боли, а от ужаса. — Ты не сделаешь этого!

— Ещё с каким удовольствием, — мило улыбнулась орчанка, показав при этом не очень большие, но острые клыки.

— Даю минуту. Дальше сам знаешь! — Она наклонила флакон, и гусеница, почувствовав движение, прижалась к стеклу, как будто хотела вылезти. — Она голодная. Она очень давно не ела. Если я открою пробку, она сама найдёт, чем подкрепиться. — Пауза. — Маги — её любимое блюдо.

Я переглянулся с Хинком и непонимающе посмотрел на Лиссу. Что это за гусеница такая, я не знал. Гусениц я, конечно, видел. Но не таких. Эта была — другого вида. Я это почувствовал. В её маленьких тёмных глазах было что-то, чего нет у обычных насекомых — что-то, что знают, что они — не просто гусеницы.

Но в этот момент заговорил пленный маг. Заговорил быстро, торопливо, как заговаривают люди, которым больше нечего терять — кроме, может быть, нескольких минут:

— Меня зовут лэр Торин Брок, — начал он, и голос его был теперь не злым, а просто — уставшим. — Маг-артефактор первого ранга. Служу в третьем отделе новых разработок и патентов при дворце королевства Хейрон. Всего таких отделов четыре, и главный, ответственный за это направление, — мой дядя, барон Том Брокс, который иногда использует меня для своих целей, как в данном случае. У меня в сумке находится важное письмо, оно под магической печатью, которое я должен сдать в отдел сразу по приезду в столицу. — Он помолчал. — Теперь, я полагаю, это уже не имеет значения.

Я молча кивнул. Маг продолжал:

— Теперь перехожу к главному. Вчера вечером, после пьяной выходки Илона, я долго не мог заснуть. И уже поздно ночью решил выкурить перед сном трубочку фруктового табака — у меня с собой была небольшая трубка и кисет. Открыв окно, я учуял какой-то знакомый запах. Еле слышимый шум алхимического стола со стороны открытого окна вашего алхимика. — Он кивнул в сторону Хинка. — Я долго вспоминал, откуда знаю этот запах. Медный тигель, синеватая корка, горелое масло — и ещё что-то, третье, что-то, что я не мог ухватить. А вот когда вспомнил, ни на секунду не задерживаясь, вылез из окна своей комнаты и по горизонтальной балке добрался до его окна. Балка была узкая, скользкая от росы, но я — маг, и я умею держать равновесие. — Он усмехнулся. — Хоть на чём-то ещё умею.

Хинк слушал, прищурившись. Я видел, как у него дрогнули уши. Маг-артефактор первого ранга, говорите. Ну-ну.

— И вот, — продолжал Торин, — когда я увидел остатки Молодильного гриба и несколько средних флаконов с готовым зельем, у меня созрел план, как можно присвоить такое богатство. Я понимаю, что это низко и недостойно дворянина, и готов понести наказание. Но и вы поймите меня. Мне пятьдесят лет. Я маг-артефактор первой категории с минимальными характеристиками — спасибо дяде! Своим диким экспериментом он выжег мне все магические каналы; как потом узнал, я был у него не первый такой. Самое подлое — что он потом предложил мне восстановить часть магических

каналов, но за это мне пришлось отписать ему своё, пусть и небольшое, баронство. В итоге, используя малое зелье магического восстановления я частично восстановил свои магические каналы. С трудом. С болями. С криками по ночам. — Он опустил глаза. — Теперь понимаете, почему у меня помутился рассудок при виде этого зелья?

Я молча смотрел на него. Пятьдесят лет. Маг-артефактор первой категории с минимальными характеристиками. Дядя — барон, который жжёт каналы племянникам, как другие сжигают старые письма. Баронство — отписанное за частичное восстановление. Это была не просто история о жадности. Это была история о человеке, которого медленно, по кусочкам, на протяжении всей жизни, съедал его собственный род. И когда он увидел единственный шанс — флаконы с зельем Молодильного гриба, — он не выдержал. Кто я такой, чтобы его судить? Но судить — не моё дело. Моё дело — решить, что с ним делать дальше.

Я помолчал — долго, давая магу возможность допить свой стакан до дна, как пьют вино, когда знают, что это последний раз. Потом сказал — тихо, почти мягко:

— Что ж, лэр Торин, по крайней мере понятны мотивы, которые Вами двигали. Сами понимаете, что у Вас есть только два варианта. Первый — Вы сейчас просто умрёте. Не больно и быстро. Точно так же, как погибли наёмники. Они, кстати, даже не успели понять, что произошло. — Я сделал паузу. — И второй вариант — Вы даёте мне клятву подчи-

нения, и я отпускаю вас на все четыре стороны. Клятва, как Вы, конечно, знаете, — это не просто слова. Это связь. Это — навсегда. Но это — лучше, чем ничего.

Маг посмотрел на меня — и в его глазах мелькнул ужас. Настоящий, глубокий, первобытный ужас, какой бывает только у людей, которые понимают, что значит клятва подчинения.

— Какая клятва! — крикнул он. — Это же практически рабство!

— Не рабство, — ответил я. — Рабство — это когда тебя купили. Клятва — это когда ты сам продал себя. Разница, согласитесь, существенная. Раба можно убить — и ничего. Вассала, давшего клятву, убить нельзя — даже если очень хочется. Потому что клятва связывает обе стороны. Я не смогу приказать Вам убить себя. Вы не сможете поднять на меня руку. Это не рабство. Это... — я поискал слово, — побратимство. Союз. На всю жизнь.

— Ну, что ж, — я посмотрел на Хинка и Лиссу, попросив их пересесть на козлы, чтобы дать магу и мне побыть наедине. Они вышли, и я создал вокруг мага незаметный, но очень эффективный щит зеркального отражения — как тонкое стекло, изогнутый чашей вокруг пленника. Со стороны его не было видно — но я чувствовал, как он закрыл его от внешнего мира.

Щит зеркального отражения — это древнее заклинание. Я выучил её в гильдии, у мастера, который говорил: «Луч-

шее оружие мага — это оружие его врага.» Принцип простой: всё, что направлено в центр щита, отражается обратно, к источнику. Со всей силы, без потерь. Это не защита. Это — зеркало. Зеркало, которое бьёт в ответ.

— Хорошо, — сдавленным голосом произнёс пленник. И от меня не ускользнул его злобный взгляд, который секундой позже показывал полную покорность. Я видел таких людей. Они соглашались, когда уже некуда отступить — и тут же начинают думать, как бы предать. В этом есть что-то почти трогательное — постоянство человеческой природы, даже перед лицом смерти.

— Но для этого, — продолжил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — Вы должны снять с меня амулет безмолвия. Клятва требует слов. Без слов — это не клятва.

Он был прав. Клятва подчинения — древний ритуал, и слова в нём — основа. Без слов, без произнесения формулы, без ответных слов того, кто принимает клятву — связь не замыкается. Я помолчал, как будто раздумывая. На самом деле я не раздумывал. Я ждал.

Я молча снял с него амулет — медленно, как снимают украшение с дорогого покойника, — и вопросительно посмотрел на мага. Амулет безмолвия лёг на скамеечку рядом, маленький, чёрный, беззвучный, как паук в засаде.

— Ну вот, — лэр Торин хищно улыбнулся. — Теперь и поговорим. — Он поднял руки — свободные, я их не связывал, снял верёвку, чтобы он мог сложить жест клятвы, —

и между его ладоней начал расти большой шар молнии. Яркий, синевато-белый, с тихим треском, как будто рядом мо-лола зерно маленькая мельница. Глаза мага загорелись — не светом, а злорадством. — Никакой я не маг-артефактор, щенок. Я — боевой маг второго ранга. Артефактор — это было просто прикрытие. А теперь все умрёте — даже девку не пощажу. Дядя обойдётся, а мне и вашего зелья хватит до конца жизни. Одиннадцать флаконов. Двести двадцать приёмов. Шесть тысяч лет. — Он засмеялся. — Этого хватит, чтобы пережить всех, кого я знаю.

Я молча смотрел на него. Шар молнии рос, разгорался, заполнял фургон голубоватым, мертвенным светом. Маг уже прицелился — и в его глазах я увидел ту самую секунду, когда человек уже не человек, а просто — оружие, направленное на цель. Я не двинулся. Я не пытался остановить его. Я просто — ждал. Зеркальный щит работал. Он работал именно для этого — для мгновения, когда кто-то другой решает, что настала пора убивать. И в это мгновение — он сам становился целью.

Торин активировал заклинание и направил его на меня — резким, отточенным жестом, как будто бросал камень. Шар молнии вырвался из его рук, пронёсся метр, достиг зеркального щита — и отразился от него. Отразился полностью, без потерь, с той же силой, с той же скоростью, с тем же желанием убить. Шар ударил в самого Торуна. Ударил — и загорелся. Маг даже не успел крикнуть. Тело его обуглилось —

мгновенно, как будто кто-то опустил его в лаву на секунду и тут же вынул. Кожа почернела и съёжилась. Волосы вспыхнули, как сухая трава. Глаза лопнули. Тело превратилось в обгоревшую мумию, скорченную в позе, в которой его застала смерть, — с протянутой вперёд рукой, с пальцами, скрюченными в жесте, который уже ничего не значил. Запах был ужасный — горелое мясо, горелые волосы, горелый шёлк. Но я не отвернулся. Я смотрел. Я должен был смотреть. Это была моя работа — и я должен был видеть её до конца.

Как говорится, жил грешно — и умер смешно. Хотя, если подумать, ничего смешного в этом не было. Человек, которого съел его собственный род. Человек, который пытался съесть чужое, чтобы спастись. Человек, который предал — и был убит собственным предательством, отражённым, как в зеркале. Может быть, в этом и была какая-то справедливость. Может быть — нет. Я не знаю. Я никогда не знал. Я просто — работал. И моя работа на сегодня была закончена.

Я попросил Рена остановить фургон. Мы с Хинком, завернув в дерюгу — грубую, серую, из конопляного полотна, которой обычно укрывали поклажу от дождя, — всё, что осталось от мага-разбойника, отнесли его в заросли ельника, подальше от дороги. Положили под старой елью, в яме, образовавшейся после падения большого дерева. Я произнёс короткую молитву — не богам, а просто — словам. «Ты жил, как умел. Умер, как выбрал. Пусть земля будет тебе легче, чем жизнь.» Может быть, это ничего не значило. Может быть

— что-то. Я не знаю. Но я делал так всегда, и не собирался менять привычку.

Хинк помог мне засыпать останки хвоей и ветками. Молча. Без слов. Гоблин умел молчать — когда нужно. Когда вернулись к фургону, я спросил у Лиссы — коротко, без предисловий:

— Что это было, Лисса? Что за гусеница?

Лисса усмехнулась — впервые за последний час. Она всё ещё сидела на козлах, держа в руках флакон. Гусеница внутри медленно, лениво ползала по стенкам, как будто ничего не произошло.

— Испуг мага был не безоснователен, — сказала она. — Гусеница, которую я ему показала, действительно не простая. Место её обитания — только в степных и предгорных районах Великой Красной горы. Это огромная область, находящаяся почти в центре материка, в провинции Занаби. Основными обитателями этой местности являются степные орки — кстати, я была родом из одного из этих племён, с грозным названием Серебряный Волк. — Она помолчала. — Тролли в горах. В предгорье — немногочисленные поселения гномов с их шахтами. И пара людских городов — чужаков, которых мы терпим, потому что они умеют делать сталь, а мы — нет.

Она подняла флакон к свету. Гусеница, почувствовав внимание, прижалась к стеклу.

— Так вот, эта гусеница — энергетический вампир, —

продолжала Лисса. — Она полностью выпивает ману мага, а затем уничтожает его магические каналы. Полностью. Безвозвратно. Маг, к которому она прикоснулась, перестаёт быть магом. Навсегда. Это страшнее смерти — для тех, кто умеет колдовать. Это — как потерять руку, или глаз, или голос. Только хуже. Потому что мана — это не просто навык. Это — часть тебя. Это — то, чем ты дышишь.

— Правда, это происходит только при непосредственном контакте с телом человека, — добавила она. — Если она коснётся кожи — это конец. Если она находится в любом другом месте — на растении, на земле, или в стеклянном флаконе алхимика, как у меня, — она начинает поглощать ману из окружающей среды. Понемногу, медленно, как губка воду. Поэтому маги чувствуют себя неуютно рядом с ней — даже когда она во флаконе. Они не понимают, почему. Но они — чувствуют. — Она улыбнулась. — В моём племени у шамана этих гусениц немеряное количество. Он держит их в специальных глиняных горшках, в ямах, выложенных пергаментом с рунами удержания. Они — его сокровище. Они — его защита.

— А сама ты? — спросил я. — Зачем она тебе?

— Я использую гусеницу вместо малого кристалла-накопителя маны, — ответила Лисса. — Когда учусь, когда качаю школу, — она потихоньку отдаёт мне ману из окружающей среды. Не очень много. Но достаточно, чтобы я не уставала так быстро, как другие ученики. И ещё — она ест плохую

ману. Если я совершила заклинание с ошибкой, и в канале остался осадок — гусеница его съедает. Как кошка ест мышь. Чисто, аккуратно, без следов.

Я смотрел на флакон и думал о том, что степные орки — не такие дикари, как о них говорят в столицах. Они знают вещи, которых не знают маги гильдии. Они умеют то, чему не учат в академиях. Может быть, потому что живут ближе к земле. Может быть — потому что им нечего терять, кроме самих себя. И они знают цену того, что у них есть. У нас в гильдии за такого вампира — гусеницу отдали бы полсотни золотых. А у шамана — их немеряное количество. И он их не продаёт. Мудрость или жадность? Я не знаю. Может быть, и то, и другое.

Через пару часов мы все немного успокоились. Я нашёл небольшую поляну рядом с трактом — круглую, чистую, окружённую старыми берёзами, с ручьём по краю и большим поваленным деревом посередине, ствол которого уже облепили мох и грибы. Там мы и расположились. Лисса сказала, что приготовит обед — от нас требуется только набрать сухого валежника. Что мы и сделали. Рен и Хинк отправились в лес, я — к ручью за водой, и через четверть часа у нас уже горел небольшой, аккуратный костёр, он горел ровно, почти неслышно, будто сам лес одобрял нашу осторожность. В пути главное не выделяться: дым виден за километры, огонь — за два. А мы хотели остаться невидимками.

Пока орчанка занималась обедом, брат отошёл к краю по-

ляны, облачился в кольчужный доспех и, взяв свой огромный двуручный меч, начал с малой разминки. Кольчуга у Рена была добротная — длинная, до середины бедра, из мелких колец, в три ряда, на подкладке из вываренной кожи, с наплечниками в виде стальных пластин, выгравированных рунами удержания. Весу в ней было — пуд с четвертью. Рен носил её, как другие носят рубашку. Двуручный меч — его собственная работа, по чертежу из старого дамерского трактата — был ещё тяжелее: длинный, с прямым крестовидным эфесом, с лезвием чуть ли не в полтора метра, с круглым противовесом в виде медного диска с гравировкой. Рен двигался медленно, вдумчиво, как движутся люди, для которых меч — не оружие, а продолжение руки. Он рубил воздух, делал выпады, возвращался в стойку. Иногда — молча. Иногда — бормоча подсчёт под нос. Один. Два. Три. Четыре. Восемь. Шестнадцать. Тридцать два. Так — до ста. Потом — с начала.

Хинк присел у фургона прямо на траву и, привалившись спиной к деревянному колесу — большое, с железным ободом, со спицами, вытертыми до белизны — начал прокачивать школу восстановления. Метод, которому я его научил, — жутковатый, но эффективный. Хинк доставал свой тонкий, как шило, стальной кинжал — короткий, с костяной рукоятью, с лезвием толщиной в соломинку, — и протыкал себе левую ладонь. Глубоко, до кости. Кровь выступала — тёмная, густая. И тут же, не дожидаясь, пока рана начнёт серьёз-

но кровоточить, Хинк активировал заклинание малого исцеления, и кожа смыкалась, как вода в стакане, — но не до конца. Оставался тонкий, белый шрам, который медленно, в течение минуты, исчезал совсем. И Хинк снова протыкал ладонь. И снова — лечил. И снова. И снова. Жуткое зрелище, скажу я вам. Я видел, как Лисса, наблюдавшая за ним искося, морщилась каждый раз, когда кинжал входил в плоть. Но что поделать? Сам ему рассказал про этот метод, которому меня, в свою очередь, обучили друзья-лекари в гильдии. Так прокачка идёт в два раза быстрее. Боль — это цена. Цена — это всегда понимание того, за что ты платишь. Хинк платил кровью. И получал взамен — мастерство. Спрашивать его, стоило ли оно того, я не стал. Он сам знал.

Увидев поваленное дерево — то самое, большое, замшелое, — я присел на его гладкий ствол, достав теперь уже свой магический учебник. Книга привычно легла в ладонях — тяжёлая, тёплая, с чуть липкой от старого лака кожаной обложкой. Я открыл страницу раздела «Призыв существ» и стал разглядывать её. Страница была разделена по вертикали на две части: в левой части золотистым цветом поблёскивал рисунок волка — оскаленного, с горящими глазами, с шерстью, прорисованной до каждого волоска, — с находящейся под ним руной, сложной, восьмиконечной. В правой части чернел рисунок цербера — адской трёхголовой собаки, с тремя лапами, с когтями, с глазами, в которых, казалось, дрожал настоящий огонь. Цербер был закрыт — пиктограмма его не

светилась, ещё не доступна. Значит — пока рано. Скоро. Но не сегодня.

Запомнив заклинание волка — оно было несложным, но требовало большой концентрации, — я активировал его. С первой попытки не получилось — руна расплылась, как тень в тумане. Со второй — тоже. С третьей — начала проявляться, но рассыпалась на полпути. С четвёртой — загорелась, и тут же погасла. С пятой — наконец-то, загорелась и осталась. Огромный волк с длинной серебристой шерстью появился в метре от меня — бесшумно, как наваждение, — и сел, глядя на меня жёлтыми, умными глазами. В магическом зрении он отображался яркой зелёной точкой, как летучая мышь, но более крупной, и более плотной — как звезда первой величины рядом со звёздами третьей. Я мысленно отправил его на разведку — примерно в том направлении, где ранее обнаружил руины с башней.

С радостью отметил, что стал практически сразу запоминать заклинания и тратить меньше маны. Когда-то мне требовалось двадцать-тридцать попыток, чтобы закрепить новое плетение — теперь хватало пяти. Когда-то я тратил на каждый призыв почти весь свой накопитель — теперь обходился четвертью. Всё это говорило о том, что скоро должен быть скачок на уровень мага. Это — как у плотника, который вдруг понимает, что может работать без чертежа, или у мечника, который перестаёт думать о каждом взмахе. Тело учится. Каналы привыкают. Магия становится — не ритуалом,

а жизнью. Это и есть момент, когда ученик превращается в мастера. Момент — тонкий, как лезвие, и такой же опасный. Многие маги на этом шаге сходили с ума. Они думали, что достигли предела. На самом деле — они только начали.

Прокачав за час уровень призыва до четвёртого уровня, я открыл седьмую магическую школу под заголовком «Магическая механика». Школа была необычной — на первой странице вместо рун или существ были изображены три рисунка, расположенных в столбик, с пиктограммами заклинаний справа от каждого. Первый рисунок изображал одну шестерёнку — небольшую, с двенадцатью зубьями, с отверстием в центре. Второй — две шестерёнки, сцепленные между собой. Третий — целый механизм, в котором я узнал подобие часового — с пружиной, с балансиром, со стрелками.

Заклинание первой пиктограммы — «Анализ предмета» — оказалось довольно простым. Уже через пятнадцать минут я смог его активировать. Но ничего не произошло. Или, точнее, ничего видимого. Я чувствовал, что заклинание сработало — но не знал, на что именно. Очевидно, нужно было применить его к конкретному предмету — а рядом, к сожалению, не было ничего достаточно интересного, чтобы потратить на него пиктограмму. Второй рисунок — две шестерёнки — был неактивен, его пиктограмма была тусклой, не светилась. Значит — пока нужно прокачивать первое заклинание, чтобы открыть второе. Этим я и хотел заняться — но в этот момент Лисса позвала всех оценить её стряпню.

Оценивали почти час, так как было всего много, а главное — вкусно. Лисса приготовила рагу из кролика, которого подстрелил Хинк утром — до того, как лёг спать, — с корнеплодами, с луком, с травами, которые она, видимо, собрала по дороге. Рагу было густое, тёмно-коричневое, с жирком на поверхности, пахнущее так, что у меня заурчало в животе. Хинк достал из своих запасов хлеб — чёрный, плотный, испечённый в пепле, как пекут в степи — и мы ели его, обмакивая в соус. Запивали водой из ручья, холодной, чистой, с привкусом камня и мха. Рен, не отрываясь от миски, пробормотал: «Жениться надо.» — Лисса фыркнула, но я заметил, что уши у неё порозовели. Хинк засмеялся. Я тоже. Обед на поляне, после боя и засады, после смерти мага и перспективы целого склепа впереди — это была лучшая еда, которую я когда-либо пробовал. Может быть, потому что я был жив. Может быть — потому что мы все были живы. Может быть — потому что Лисса действительно хорошо готовила.

Потом быстро собрались, разместились в фургоне и продолжили движение к следующему пункту нашей остановки — к таверне «Трезвый гном». Хинк и Лисса продолжили свои занятия по прокачке школ. Рен правил лошадьми. Я — вернулся к учебнику, но уже без особого рвения. Иногда — нужно просто посидеть и посмотреть на дорогу. Я смотрел на верхушки деревьев, на облака, на тень от фургона, ползущую по камням. Думал о башне в руинах. Думал о склепе, который волк, возможно, уже нашёл. Думал о том, что где-

то впереди — может быть, новая история. А может быть — нет. Кто знает.

Пока я прокачивался, а затем обедал, совсем забыл о призыванном волке. И вот только что от него пришёл сигнал — лёгкий толчок в правый висок, как будто кто-то постучал изнутри. Я активировал зрение волка и увидел перед собой овальную дверь небольшого каменного склепа, которая мерцала синими отблесками. Дверь была встроена в склон холма, поросшего высокой травой, и была почти не видна снаружи — только если знаешь, куда смотреть. Синие отблески означали, что на двери — старая магическая защита. Дамерская защита. Дамеры не ставили защит на пустые склепы. Значит — внутри что-то было. Что-то, что они считали важным.

Волк сидел перед дверью, не двигаясь, и смотрел на неё жёлтыми глазами. Я мысленно приказал ему обойти склеп кругом. Он повиновался — мгновенно, как всегда. Склеп был небольшой — метров пять в диаметре, с куполообразной крышей, наполовину вросшей в землю. С одной стороны — дверь. С другой — небольшое вентиляционное отверстие, закрытое решёткой из чёрного металла. Никаких других входов. Никаких окон. Только — дверь и тишина.

Определив весьма приблизительное направление этой находки — к северо-востоку, примерно в семи-восьми километрах от нас, — я достал карту Хинка и поставил метку в виде небольшого овала, рядом с которым аккуратно вывел:

«Дамерский склеп. Синяя защита. Не тронут». Передав карту брату, я сообщил, что призванный волк обнаружил в семи или восьми километрах от нас склеп древних дамеров, скорее всего, ещё не взломанный искателями сокровищ.

— Склеп? — Рен оживился. — Дамерский? — Он передал карту Хинку. — Давно таких не находили. Гильдия ищейщиков последние пять лет их все, что в этой провинции были, прочесала.

— Значит, этот — глубокий, — сказал я. — Слишком хорошо спрятан. Или — слишком опасен. Или — то и другое.

— Возьмёте меня? — спросил Рен.

— Нет, — ответил я. — Кто-то должен остаться с фургоном. И с конями. И с зельем. И — на случай, если кто-то решит, что мы лёгкая добыча. — Я помолчал. — Ты — самый сильный из нас. Ты останешься.

Рен хотел возразить — я видел это по его лицу, по тому, как дрогнула челюсть. Но потом кивнул. Он знал, что я прав. Кто-то должен оставаться. И для этого есть только один кандидат — самый надёжный. Самый сильный. Тот, кого можно оставить одного — потому что с ним ничего не случится.

Мы решили добраться до таверны, заночевать, а рано утром, оставив брата охранять фургон, втроём — я, Хинк, Лисса — отправиться на поиск склепа. Судя по времени, до таверны осталось около трёх часов. Хинк и Лисса продолжили свои занятия. Я решил посмотреть сумку мага-разбойника. Так, между делом. Чтобы не терять времени зря. В дороге

— каждая минута либо работает на тебя, либо против. Третьего не дано.

Взяв сумку в руки — обычную, кожаную, с потёртыми углами, с медной пряжкой, каких тысячи, — я понял, что незря начал прокачивать школу Магической механики. Активировав пиктограмму шестерёнки, я увидел свойства предмета. И — ахнул. В руках у меня была средняя безразмерная магическая сумка. Очень редкий артефакт — в неё можно свободно поместить содержимое почти всего фургона, при этом вес останется без изменения. Это — не просто магия. Это — нарушение законов физики и природы, оформленное в кожу и медь. Дамерская работа, безусловно. Никто в наше время не умел делать такие — утерянное искусство, как многие другие. Одна такая, в столице, стоила триста золотых. Я держал в руках целое состояние — и даже не знал об этом.

«Повезло мне», — подумал я. И сразу же: «Не повезло. Просто — вовремя начал прокачивать школу Магической механики. Если бы не она, я бы не увидел свойств. Я бы выбросил сумку, или подарил кому-нибудь, или продал за три серебрушки. А так — у меня в руках редчайший артефакт. И я ещё думаю, что мне не везёт. Ха.»

Я продолжил. Достав артефакт среднего взлома — маленький, в виде серебряного ключа с тремя зубьями, с тёмно-синим камнем в навершии, — я приложил его к замку сумки. Артефакт был куплен мной в гильдии, давно, и я им почти не пользовался — в основном потому, что мне ред-

ко попадались сумки, которые стоило взламывать. Артефакт засветился — мягко, ровно, как луна в полнолуние — и медленно погас. Замок щёлкнул. Я открыл сумку.

Сначала нужно было сделать привязку на себя. Старый хозяин мёртв — но магическая привязка держится ещё несколько дней, и в это время сумка слушается только своего прежнего владельца. Или — того, кто сумеет её перенастроить. Я произнёс формулу привязки — короткую, из трёх слов, — капнул на медную пряжку каплю своей крови, и почувствовал, как сумка признала меня. Лёгкое покалывание в ладони, тепло — и всё. Теперь это моя сумка. Чуть позже поставлю дополнительную защиту от взлома — на случай, если кто-то решит, что ему тоже нужен безразмерный артефакт. А пока — посмотрим, что мы имеем.

В магическом зрении я увидел пиктограмму сумки — маленькую, мерцающую, как звезда в тумане. Активировал её — и увидел все разделы по категориям, и картинки предметов, выстроенные рядами, как на полках в лавке. Раздел «Артефакты». Раздел «Зелья». Раздел «Документы». Раздел «Драгоценности». Раздел «Оружие». Раздел «Прочее». Каждый — отдельный, как глава в книге. Я открыл первый.

Открыв раздел «Артефакты», я увидел около тридцати качественных заготовок в виде колец, кулонов и браслетов. Заготовки — это ещё не готовые амулеты, а основы, на которые можно нанести любое плетение. Качество — отличное: серебро, дамерская сталь, чёрное железо, мельхиор, кость, и

даже один золотой браслет, тонкой работы, с гравировкой в виде переплетённых змей. Каждый — стоит от пяти до пятнадцати золотых. Тридцать штук. Полторы сотни золотых — только в заготовках.

И несколько уже готовых амулетов — один очень дорогой, амулет левитации. Я вытащил его — маленький, в виде серебряного пера на цепочке, лёгкий, как пушинка, всегда тёплый на ощупь. Амулет левитации — это, грубо говоря, полёт без крыльев. Не очень долго — минут десять-пятнадцать, — но достаточно, чтобы перелететь через стену, или спуститься со скалы, или спастись от падения. На чёрном рынке — стоит двадцать пять золотых. В гильдии — тридцать. У меня в руке — был один. И я его, видимо, оставлю себе. Бывают вещи, которые не продают. Их — носят.

Далее я бегло пробежался по содержимому сумки и сделал вывод: прежний её хозяин был редкостным скрягой и собирал всё подряд, в основном всякую мелочёвку, от которой я буду избавляться. В разделе «Прочее» обнаружились: обрывки старых писем, засушенные цветы, шесть огрызков свечей, два ржавых гвоздя, кусок медной проволоки, половинка компаса, кирка с обломанной рукояткой, и три камешка, которые, кажется, были просто камешками. Маг-артефактор, значит. Коллекционер. Кладовщик. Человек, который ничего не выбрасывал — и, в сущности, ничем не пользовался. Я понял, почему дядя его терпел. Такой — не предаст. Он просто не сможет. Ему некуда идти со всем этим

барахлом.

Через три часа наш фургон остановился перед таверной «Трезвый гном». Таверна была точной копией той, в которой мы ночевали прошлой ночью — двухэтажная, каменная, с черепичной крышей, с вывеской, на которой был нарисован гном с кружкой пива в одной руке и с пальцем, поднятым к губам, в другой. Гном, видимо, призывал к трезвости. Те, кто останавливался в таких тавернах, обычно смеялись над этой вывеской. Те, кто в них работал, — обычно не смеялись. Они видели слишком много тех, кто не слушал гнома.

В зале было довольно много народа для этих мест. Наемников — пятнадцать человек, в кольчугах, с мечами, с арбалетами, сидящих в два длинных ряда у стены, как на параде. Два купца — судя по медным жетонам торговой гильдии, висящим на цепочках на шее, — сидели за отдельным столом, тихо переговариваясь, и перед каждым стоял кувшин вина и тарелка с холодной закуской. Ну и обслуги — человек пять: две девки, два парня, и хозяин, пожилой, толстый, с красным лицом и с фартуком, заляпанным соусом. Один из купцов уже расплачивался с хозяином таверны за ужин, когда я подошёл и спросил его желание на предмет поторговаться.

— Торговаться? — Купец поднял на меня глаза. — А что у тебя есть, путник?

— Есть амулеты, — сказал я. — Есть зелья. Есть оружие. Есть кое-что из дамерских вещей. — Я помолчал. — Есть и мелочёвка, которая мне не нужна, а вам, возможно, приго-

дится.

Купец оживился. Купцы — народ особенный. Они никогда не бывают сытыми. У них всегда есть деньги — но им всегда нужно больше товара. И они всегда готовы торговаться, особенно если видят, что продавец — не профессионал, а случайный человек с лишним барахлом. Получив положительный ответ — я, мол, готов посмотреть, что у тебя есть, — мы договорились встретиться через час у нашего фургона.

В итоге вечер закончился для меня и моих друзей очень удачно. Мы избавились от ненужных вещей — мечей наёмников, их амулетов, мелких монет, разного хлама, который я вычистил из сумки мага-разбойника. Я основательно почистил сумку от хлама, заработав при этом пять золотых. Это были не астрономические деньги — но достаточно, чтобы покрыть дорожные расходы на месяц. На вырученные деньги — добавив кое-что из своих — я купил у тех же купцов трёх великолепных скакунов: одного — для себя, гнедого жеребца с белой звездой на лбу, одного — для Лиссы, чёрную кобылу с лёгким, как тень, шагом, и одного — для Хинка, маленького, но выносливого гнедого мерина, как раз по росту гоблину. Рен отказался — он сказал, что предпочитает фургон. «Я не ездок, — сказал он. — Я — воин. Воин должен стоять на ногах, а не висеть в седле.» Я не спорил. Каждый живет так — как ему удобно.

После сделки мы все, довольные, разошлись по своим комнатам — Хинк в одну, я и Рен в другую, Лисса — в тре-

тью, отдельную. Я разделся, умылся, лёг на жёсткую, пахнущую сеном и лавандой постель, и закрыл глаза. За окном шумел ночной лес. Далеко, на юге, в трёх часах пути, нас ждал дамерский склеп. Где-то в столице Хейрона, в своём дворце, барон Том Брокс, наверное, ещё не знал, что его племянник мёртв. Где-то в провинции Занаби, у Великой Красной горы, шаман племени Серебряный Волк, может быть, считал своих гусениц. А я — лежал в таверне «Трезвый гном», с пятью золотыми в кошельке, с амулетом левитации на шее, с безразмерной сумкой в изголовье, и думал. Думал о том, что завтра — новый день. Что завтра — склеп. Что завтра, может быть, будет новая история. А может быть — нет. Кто знает. Дорога — странная штука. Ты выходишь на рассвете, не зная, куда приведёт тебя к закату. Но всегда — куда-то, где ты уже не тот, кем был утром. В этом, наверное, и есть весь секрет пути.

Я уснул — быстро, тихо, как засыпают люди, у которых был длинный день. И мне ничего не снилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.